

ПОСЛЕ ГНЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕВГЕНИЙ БУЛАХ

Евгений Булах

После Гнева

«Автор»

2026

Булах Е.

После Гнева / Е. Булах — «Автор», 2026

Сергей мечтал о приключениях. Он их получил. Стать учеником мага казалось началом удивительной жизни. Но вместо драконов и славных подвигов его встретили кровь на снегу, грязные подземелья, города, полные воров, фанатиков и знати. Очень скоро он понял простую вещь: этот мир не щадит слабых. Старые легенды оказались совсем не такими, какими их рассказывали в старых книжках. За каждой сказкой скрывается чья-то забытая правда. Чем дальше он идет, тем чаще ему приходится выбирать между человечностью и силой. Иногда спасти друзей можно только переступив ценой чужих жизней. Но каждый такой выбор меняет его самого. Некоторые легенды исчезают. Другие просто ждут, когда в них снова поверят.

© Булах Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

После Гнева

Глава 1

— Пап, смотри, еще нашел! — радостно воскликнул Серхей, кладя пару грибов в полную корзину.

Осень в этом году выдалась на редкость теплой и дождливой, щедрой на дары. За несколько часов Ондржей с сыном набрали полные лукошки, даже не заходя далеко в осенний лес. Деревья еще не торопились сбрасывать листья и продолжали пестрить желтыми, багряными и зелеными кронами.

Легкий ветерок пробежал по влажной листве. Откуда-то издали раздались раскаты грома. Мужчина посмотрел на небо, затянутое низкими тучами.

— Ну все, пойдем домой, — Ондржей прислушался к звукам леса.

— Пап, но ведь еще совсем не поздно! — робко попытался возразить мальчик.

— Уже пора, — твердо ответил отец. — Тебе еще надо сегодня новую страницу травника учить. Да и лихие люди в последнее время расшалились. То на стражу прям на дороге нападут, то деревни пограбят. Непокойно стало как-то.

Серхей послушно пошел за ним. Настроение мигом испортилось. Вместо тихой прогулки теперь предстояло снова зубрить книгу и пересказывать выученное отцу. Ондржей вдруг наклонился и сорвал пучок пожухлой травы.

— А ну-ка скажи, что это?

— Синец, — без особого интереса, глядя на растение, ответил Серхей.

— Правильно, — похвалил отец. — А для чего он?

— Ну, можно от жара заварить. А можно пропарить и прямо на рану положить, чтобы гноя не было.

— Молодец, — Ондржей тепло улыбнулся и потрепал сына по голове.

— Пап, для чего это мне? — мальчик шмыгнул носом.

— Ну как для чего? Сынок, мой прадед, дед и отец были лекарями, — мужчина убрал траву в карман наплечной сумки. — Я тоже пошел по их стопам. А потом ты меня сменишь.

— Да ну! Скучно, — пробурчал Серхей. — То у одного ухо болит, то другой простудился. Я хочу приключенцем стать. Сокровища, девчонки, слава...

— Ага, — отец усмехнулся. — А ты знаешь, сколько стоит оружие? А доспехи? Сынок, у нас нет таких денег. Да и делать добро людям — не худший труд. Кому-то ведь надо лечить твоих героев из книжек после битвы. Сами-то они на земле не пашут...

Ондржей невольно вспомнил себя в его возрасте. Он тоже жаждал приключений, мечтал увидеть большой мир. Его отец, дед Серхея, очень рано объяснил: большой мир принадлежит большим людям, но держится на малом. На тех, кто живет на земле, растит овощи и скот. Жить и помогать людям — вот лучшее, что можно сделать для этого мира. Кто знает, прав ли он был?

Сверху начало моросить, и путникам пришлось накинуть капюшоны своих тонких курток. Запах осенней сырости становился все сильнее. Пока они шли по мокрой скользкой траве, мелкий холодный дождь усиливался, настойчиво пробираясь сквозь ткань и холодя кожу.

Уже подходя к деревне, мальчику показалось, что лес стал темнее, а воздух — тяжелее. Тишина сжималась вокруг них. Высокие деревья будто притихли, наблюдая за ними.

«Наверное, из-за дождя», — подумал Серхей, стараясь не придавать этому значения. Он старался не смотреть на отца. Как тот не мог понять? Сыну совсем не хотелось всю жизнь гнить в маленькой, богами забытой деревушке. Мальчишка знал: спорить об этом с ним бесполезно. На ближайшие годы его жизнь ясна. Мокрая трава, тяжелая корзина, гадский дождь, запах

сушеных трав, помощь отцу, когда тот возится с засопливившими крестьянами, пересказ проклятого травника. А вокруг — поселок, где главными событиями года становятся рождения, свадьбы и похороны. Иногда казалось, что стоит пройти через лес — и там, за ним, начнется яркая, новая жизнь. Мальчик сердито пнул попавшуюся под ноги ветку. А это что?

— Пап, смотри, там блеснуло!

Сергей уже сорвался с места. Он быстро подбежал, надеясь подобрать невесту откуда взявшуюся здесь монету. В мокрой траве действительно что-то сверкало. Парнишка раздвинул стебли, и дыхание у него участилось.

Это была не монета. Перед ним лежал серебряный кинжал, весь перепачканный грязью. Рука сама потянулась к нему.

— Не трогай, — резко остановил сына Ондражей. — Мало ли какое проклятье на нем...

Сергей поднял глаза и увидел в нескольких шагах от себя человека, распростертого вниз лицом.

— Ах ты ж! — выругался Ондражей, заметив находку сына.

— Он жив? — мальчик невольно прижался к стоявшему рядом отцу.

— Сейчас посмотрим, — ответил мужчина.

Лекарь поставил корзину с грибами на траву и перевернул незнакомца на спину. Все его лицо было залито запекшейся кровью. Темно-синий плащ покрывали грязь и какие-то красные и желто-зеленые потеки.

— Дышит, — Ондражей приложил руку к губам и носу незнакомца, — правда, плохо. Давай-ка, помоги мне. Вон уже ограда полей виднеется. Беги в деревню и зови на помощь. Я тут его постерегу...

Парнишка нервно сглотнул и побежал. Ему было тревожно оставлять отца одного с полумертвым человеком, но послушаться мальчик не мог — лекарь воспитывал сына достаточно строго. Скользя по мокрой траве, Сергей ринулся к деревне. Он тревожно оглянулся на отца и припустил еще быстрее.

Ондражей остался стоять посреди все крепнущей непогоды. Ему померещилось, что вокруг стало как-то неестественно тихо. Только капли дождя глухо стучали по капюшону.

Лекарь заметил посох, лежавший недалеко от полуживого незнакомца. На конце его была вырезана деревянная голова быка с красными камнями в глазницах. В них виделось что-то слишком живое для мертвого дерева. Необычайно искусная работа притягивала взгляд мужчины. Рядом в траве оказался и походный мешок.

Дождь стекал по серому лицу незнакомца крупными каплями. Они ложились на тонкую опрятную бородку, обрамляющую рот, стекали с черных мокрых волос под капюшон. Вода тщетно пыталась омыть чужака, готовя тело к похоронам.

— Ну и кого ты привел? — спросил у ливня Ондражей, слышав торопливо приближавшиеся шаги. Вскоре показался сын с двумя местными парнями.

— Мужики, давайте вместе отнесем его ко мне домой, — лекарь потер нос, стряхивая свисавшие с него капли.

— А если это какой-то разбойник? — с недоверием посмотрел на лежавшее тело один из прибывших.

— Смотри, у него на плаще застежка-фибула со знаком герцога, — Ондражей указал пальцем.

— Ну и чего? Ограбил кого-то да и оставил себе одежду, — скептически заметил второй крестьянин.

— Он весь грязный, — добавил первый. — Не похож на порядочного человека, да еще и из герцогских...

— Вот что я нашел в паре метров от него, — Ондражей указал на лежавший в траве посох. Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь разыгравшимся ливнем.

— Волшебник, — тихо выдохнул один из парней с сомнением в голосе. — Я его трогать не буду. Кто там их знает...

— Страшно... — поджав губы, отступил на шаг его товарищ. — А вдруг накликаем беду? И откуда он тут взялся... Кто его так подрал?

— Он человек. Этого что, мало?!

— Люди всякие бывают, — пробурчал недовольный парень. — Сейчас чародей лежит. А как встанет на ноги?

— В следующий раз простудишься — будешь лечить себя сам! — оборвал лекарь, глядя на спорщика с презрением.

Парни переглянулись, будто раздумывая, во что им обойдется спор со знахарем. Вместо них говорил дождь. Никто не хотел первым нарушить молчание.

— А если завтра прознают, что чародея не спасли? — неуверенно заговорил один из здоровяков. — Повесят как бродяг на осине...

— И все равно эту гадость я не потащу, — его товарищ мотнул спутанными волосами в сторону посоха.

Парни засопели, не слишком обрадовавшись предстоящей работе. Больше всего им хотелось сделать вид, что ничего не произошло, и вернуться домой, к теплой печи. Они молча взвалили чужака на плечи и, стараясь не тревожить, понесли его к деревне. Сапоги вязли в земле. Каждый шаг давался с трудом. Посох и кинжал так и остались лежать на поле. Ондражей наклонился и сам собрал оставленные в траве вещи.

Сергей немного отставал и с трудом тащил корзины с грибами. Сердце колотилось от радости и тревоги. Наконец-то хоть что-то произошло в этой деревенской тине! Дождь становился сильнее, словно хотел согнать их с этого странного места.

Ближе к деревне собаки залились диким лаем.

— Почуяли чужака, — заметил один из парней, крикнув под ношей.

— Может, и так... — с сомнением произнес Ондражей. Он подставил лицо под темное небо, пытаясь что-то в нем разглядеть.

Ноги уже утопали в воде и грязи деревенской улицы. Превозмогая липкую грязь, крестьяне продолжали нести обмякшее тело незнакомца.

Прежде чем внести раненого в дом, его занесли в баню возле ворот. Теплой воды было немного, но ее хватило, чтобы обмыть незнакомца. Под одеждой оказалось крепкое, хорошо сложенное тело. Когда смыли запекшуюся кровь с лица, под спутанными черными волосами средней длины Ондражей увидел еще довольно молодого мужчину, лет сорока. Несмотря на грязь под ногтями, чистые белые ладони без единой мозоли выдавали в нем городского. На правой стороне лба алела свежая рана. Все тело покрывали синяки и ссадины. Через спину тянулась длинная, узкая, глубокая рана.

— Что ж за оружие оставило такой след? — лекарь провел рукой по волосам. — Это не меч...

В доме знахаря полуживого мага уложили на кровать. Посох, серебряный кинжал и сумка отправились на полку в пыльную кладовую. Знахарь тщательно вымыл руки.

— Сегодня у тебя вместо теории будет практика, — отец уже вытирал руки стареньким, довольно чистым полотенцем. — Ну-ка, наипяти воды, да побольше.

Сергей кинулся во двор за дождевой водой. Быстро подвесил ведра к очагу. За это время лекарь достал несколько сухих трав и кореньев. Отобрав нужные, он отдал их сыну.

— Сделай из этих крепкий отвар.

Сам же Ондражей достал из банки лепестки лилий и начал обкладывать ими раны. Запахло сладковатым настоем и самогоном. За все это время волшебник не пришел в сознание. На его лице застыл пугающий нечеловеческий покой. Мальчику почудилось, что этот странный человек уже умер. Сергей боялся на него смотреть, но любопытство вновь и вновь брало верх.

Отец приложил два пальца к синей жилке на шее раненого и через пару секунд удовлетворенно кивнул. Значит, еще жив.

Ливень отбивал бешеный ритм по крыше, местами уже просачиваясь в дом. Капли звонко падали в подставленное корыто. А на кровати лежал самый настоящий чародей. Серхей, выросший в деревне, никак не мог в это поверить. Вот здесь, в их маленьком доме, был человек из другого мира. Из мира, который начинался за деревней, полного опасностей, приключений и героев.

Отец продолжал хлопотать возле него. Он вымачивал тряпки в приготовленном отваре и обкладывал ими тело волшебника.

Через несколько часов, уставшие, сын с отцом оставили раненого выздоравливать и сели на крыльцо попить чаю. Уже совсем стемнело. Дождь перестал лить. Возле дома из сумерек вынырнула лысоватая голова деревенского старосты.

— Привет, — Ондřej поднял в приветствии руку.

— И вам вечер добрый, — отозвался небольшой лысый мужичок. — Парни тут рассказали о вашем неожиданном госте.

— Да уж... — усмехнулся лекарь. — Скорее пациенте.

— Ну да, ну да... — поправился староста. — Так вот, хотел узнать, как он.

— Пока трудно сказать... — Ондřej пожал плечами.

— Ну, ты там смотри, постарайся его поднять на ноги.

— А тебе, Гурджуф, это на что?

— Ну так, волшебник вроде как, — староста удивился непонятливости лекаря. — Может, чем и отблагодарит деревню за свое спасение.

— Угу, — задумался Ондřej. — Ты бы отправил весть к герцогу, что его человек у нас.

— А ты уверен, что это его человек?

— У него на застёжке его знак.

— Ну, мало ли... — потер лысину Гурджуф. — Хотя попробую передать через проезжающих. Только до столицы две недели пути отсюда. Скоро морозы ударят, так что вряд ли кто сейчас поедет туда. Весть не дойдет раньше весны...

Староста растворился в темноте. Дом погрузился в тишину, которую нарушал лишь стук капель о корыто. С кровати доносилось тяжелое дыхание спасенного ими человека.

Дни потянулись медленно, похожие один на другой, серые, как осеннее небо. Рана гостя затягивалась, однако он по-прежнему был без сознания. Серхей исправно, под надзором отца, менял ему компрессы, втирал мазь и обмывал раны отваром.

Последнее тепло осени отошло, и по ночам трава стала покрываться изморозью. Тогда с кровати больного послышались первые звуки. Иногда из его груди вырывался тихий стон. Но глаза по-прежнему оставались закрытыми — чародей так и лежал пластом, как его принесли. От него теперь пахло иначе. Ушел сладковатый дух лихорадки. Его сменил острый запах прелой шерсти и немытого тела, вперемешку с лекарственными травами и вонючими мазями.

Серхей зачеркнул еще несколько дат на самодельном календаре. В то утро незнакомец впервые за все время пребывания в доме приоткрыл глаза.

— Посох... — прошептал он сухим, царапающим горло голосом.

Мальчик положил сумку и посох рядом с кроватью. Маг бегло осмотрел их из-под полуприкрытых век, коснулся головы быка кончиками пальцев, будто проверяя, не исчезла ли она, а затем уронил голову на подушку.

— Вот теперь дело пойдет на поправку, — довольно покивал Ондřej.

— Где я? — еле слышно произнес больной.

— В деревне Полевка, — быстро выпалил Серхей. — А как вас зовут?

— Тонир.

Непрошенный гость вздохнул и прикрыл глаза.

— Пойди, поймай курицу, — наказал отец. — Его на первых порах надо поить бульоном, тяжелой еды нельзя.

Еще пару дней больного кормили легкими супами. Волшебник ничего не говорил, да и отец с сыном не пытались завести с ним разговор. Спустя некоторое время Серхей помог незнакомцу подняться. Тот внимательно осмотрел свои вещи и спросил у мальчика, как он здесь очутился. Серхей принялся рассказывать. Получалось слегка сбивчиво, торопливо, но Тонир слушал молча, ни разу не перебив.

На следующий день к обеду маг сам подсел за стол к семье со своей тарелкой супа.

— Прошу прощения за молчание, — начал тот. — Благодарю за спасение. Наверное, я долго пролежал в той траве и там бы и умер, если бы не вы...

— Да ладно, — смущенно замялся Ондржей. — Как себя чувствуете?

— Спасибо, уже получше. Спину жжет огнем, не могу вздохнуть. Да и слаб пока. А так — уже лучше.

— Надо себя поберечь, — заметил лекарь, зачерпывая ложкой похлебку.

— Это да, — кивнул Тонир. — К тому же я сейчас не в состоянии доехать до столицы. Поэтому хотел бы попросить вас принять меня у себя до весны. Чем смогу, буду помогать.

— Конечно, — Ондржей слегка оторопел. Мужчина обвел глазами дом. — Места у нас, конечно, немного. Если не боитесь деревенской жизни — оставайтесь...

После этого разговора жизнь потекла своим чередом. Заканчивалась подготовка к зиме, нужно было еще запастись поздними ягодами и травами. Тонир старался во всем помогать по дому. Получалось у него неважно. Было видно, что он человек города, плохо знакомый с деревенской жизнью. Гость не пугался никакой работы. Сил у него еще было маловато, поэтому ни мальчик, ни тем более отец не поручали ему ничего тяжелого.

Так проковыляла еще одна неделя. Серхей уже привык к присутствию молчаливого чужака в доме. В нем не было ничего необычного. Чародей не стрелял искрами из глаз, не превращал воду в вино. Он был просто еще одним человеком, таким же, как и остальные селяне.

С каждым днем становилось все холоднее. Часто дул промозглый северный ветер, по ночам прихватывая морозцем развешенную во дворе одежду.

Однажды вечером, когда с неба уже срывался мокрый снег, Серхей достал с полки старую книгу. Дрова уютно потрескивали, и парнишка устроился с книгой возле печи. Пахло травами, мазью и крепким чаем. Опираясь на посох, Тонир встал и подошел к нему.

— Любишь читать?

— Да, очень, — сказал Серхей, не отрываясь от страниц.

— О чем книга? — с улыбкой спросил маг.

— Про героев прошлого, — беззаботно ответил парнишка.

— И кто твой самый любимый? — поинтересовался чародей.

— Эланд.

— Эланд... — в свете огня лицо Тонира как-то странно изменилось. На мгновение оно побледнело. — И чем же он тебе так нравится?

— Ну, это настоящий герой. Победил страшное Зло, — оживился Серхей. — Спас тысячи людей. А потом долго и мудро правил своим королевством. Его все уважали.

Мальчик говорил горячо и с полной уверенностью.

— Надо же. Хорошая легенда, — волшебник улыбнулся, но на этот раз как-то хитро. — А хочешь узнать правду?

— Конечно! — беззаботно выпалил Серхей.

Тонир присел рядом и, глядя на огонь, начал рассказывать.

— После войны Эланд действительно стал королем. Его все любили. Даже слишком. Люди тянулись к нему, как к свету.

Волшебник поворошил в очаге поленья. Мальчик внимательно слушал. Ему почудилось, что в огне, на который смотрел Тонир, мелькают тени давнего прошлого.

— Но Эланд начал меняться. Сначала медленно, а затем — все быстрее. Бывший герой окружал себя черными колдунами. Теми, кого все боялись. По королевству поползли слухи, что он и сам познал темное искусство.

Маг ненадолго замолчал. Теперь каждое слово давалось ему все тяжелее.

— Эланд стал жесток. И чем дальше, тем больше. Правитель уже не заботился о людях. Его интересовало только одно — создать страшное оружие, чтобы не допустить новой войны. Постаревший герой думал, что если создаст его, то больше никто и никогда на них не нападет. За это Боги послали Эланду наказание. Он исчез. Вместе со своим городом.

— Исчез... — затаил дыхание Серхей. — Но куда?

— Люди разное говорят, — Тонир перевел взгляд на паренька. — Правды не знает никто.

— Но как? Здесь написано... — Мальчик крепко держал в руках книгу.

— Просто в книгах часто пишут то, что больше понравится людям, — пожал плечами маг.

Ондржей, перебиравший в кладовке связки трав, оторвался от своих дел.

— Все это очень интересно, — лекарь с грохотом поставил миску на стол. — Но пусть легенды остаются легендами. О настоящем надо думать...

Тонир, тяжело опираясь на посох, усмехнулся и пошел к своей кровати.

А Серхей после этого долго сидел у огня с книгой. Она была открыта, однако мальчишка ее не читал. Он сидел молча. Где же правда? В легендах или в рассказе Тонира? Книга говорила одно, а чародей — другое. Кто прав? С этими мыслями он и уснул.

После того вечера Серхей стал иначе смотреть на мага. Он больше не казался случайным гостем в их доме. Теперь перед ним был человек, знавший гораздо больше всех, кого Серхей встречал прежде. Это делало его одновременно страшным и притягательным.

Как-то раз выпал первый снег. Мягкую поземку гонял легкий ветер. В этот день Тонир пошел вместе с семьей лекаря собирать последние в этом году травы. Это был его первый выход из дома после появления в Полевке. Чародей ежился и иногда слегка кривился, вдыхая холодный воздух.

— Извини за вопрос, а где мать Серхея? — начал разговор Тонир.

— Умерла при родах, — слова лекаря прозвучали глухо. — Я не смог ее спасти. Она потеряла слишком много крови.

Плечи Тонира слегка дрогнули. На мгновение он даже замедлил шаг. Повисло молчание.

— Я уже понял, что ты хороший лекарь, — после некоторой паузы заговорил маг. — Мои раны были очень серьезными, но ты с ними справился.

— Ну, когда я увидел твои раны, — Ондржей наклонился и подобрал промерзшую травинку, — я вспомнил одно средство, о котором рассказывал еще дед. Вот оно и сработало.

— Теперь я понимаю, почему тебя уважают в деревне, — кивнул чародей. — И сына верно учишь. Ты не против, если я почитаю вашу книгу?

— Зачем? — удивился Ондржей.

— Всегда надо учиться тому, чего не знаешь, — спокойно заметил волшебник. — Знаний много не бывает.

— Читай, — знахарь в очередной раз нагнулся, а затем сунул в сумку какой-то корешок.

И Тонир по вечерам стал читать. Он даже делал заметки в своей книге, которую достал из старого походного мешка. Каждый вечер что-то записывал, что-то перечитывал.

Однажды, во время одного из таких вечеров, к ним пришел староста Гурджуф. Общинник пытался задать вопросы гостю, однако тот отвечал коротко и обрывками. Наконец староста, поняв, что ничего от него не добьется, тяжело выпрямился, постоял, буравя взглядом мага.

— Вы все играетесь судьбами мира... А нам бы тут зиму пережить, — неожиданно сказал он и громко захлопнул за собой дверь.

Тонир даже не поднял глаз от книги.

Глава 2

Зима в Полевку пришла тихо. Сначала снег ложился на грязь и тут же в ней растворялся. Но вскоре ударили морозы. Белый покров укрыл всю деревню. Снег скрыл провинциальную грязь, лег на дороги, огороды и дома. Уютный дымок струился к небу из каменных труб. Жизнь замедлилась.

Серхею было интересно с Тониром. Он почти поправился и теперь часто помогал по дому с помощью волшебства. Маг проводил рукой над дровами, и те сами начинали гореть. Однажды мальчик рассыпал крупу. Мужчина подошел, хитро подмигнул ему, и гречка сама собой крупинка за крупинкой собралась в его огромную горсть.

А еще Тонир рассказывал о далеких городах, забытых войнах и странных людях. Часто он говорил долго и увлеченно, будто сам все это видел. А иногда обрывал рассказ на полуслове, словно о чем-то задумывался. Казалось, что стены родного дома исчезают вместе с деревней. Перед глазами Серхея вспыхивали огни большого мира, на солнце сверкали начищенные до блеска латы, клинки и секиры. История оживала прямо у него в голове. С грохотом пронеслись белоснежные лошади с всадниками, взвивались вверх яркие знамена, и благородные рыцари сходились в честном бою.

Сергей сам не заметил, как стал искать поводы, чтобы оказаться рядом с волшебником. Онджей смотрел на это настороженно, но не вмешивался.

Как-то раз вечером отец накрыл на стол богатый ужин. Здесь были и суп, и тушеное мясо с картошкой, холодец, грузди, сало, моченые яблоки и соленые огурцы. Во главе стола стоял пирог с картошкой и грибами. И только тут мальчик вспомнил: сегодня его день рождения! За всеми событиями последних дней он совсем забыл о нем.

— Сегодня тебе исполнилось четырнадцать лет, — сказал Онджей, когда Сергей и Тонир сели за стол. — Ты становишься совсем взрослым.

Отец достал какой-то сверток.

— Разверни, — улыбнулся он.

Мальчик с нетерпением развернул мешковину и увидел кинжал. Настоящий. Стальной. С узким, аккуратным лезвием и красивой рукоятью, украшенной простым, но изящным узором. Металл холодно блеснул в свете огня.

— Это... мне? — Сергей задержал дыхание.

— Тебе, — улыбнулся отец. — Теперь ты по-настоящему взрослый.

Сын бросился обнимать Онджея. Тонир как-то неловко поднялся и пошел к своему мешку.

— У меня почти ничего нет... — копаясь в нем, заметил маг. — Вот!

Волшебник раскрыл ладонь, и перед мальчиком появилась маленькая фигурка человека с оружием в руках.

— Это... что? — неуверенно спросил Сергей.

— Вещь из прошлого, — улыбнулся волшебник. — Ты же любишь легенды?

Парнишка кивнул.

— Вот и пусть у тебя останется эта фигурка как память о легендах, об Эланде и о тех, кто жил до нас.

Фигурка потемнела от времени, к ней прилипли кусочки грязи. Она была сделана не из металла и не из дерева. Сергей такого материала никогда раньше не встречал.

— Это дорогая вещь, — заметил с упреком Онджей, разливая домашнее пиво.

Тонир пожал плечами.

— Все равно у меня больше ничего нет.

Сергей крепко сжал оба подарка, не понимая, какой из них ему больше нравится. В небольшом доме, наполненном теплом, стало необычно тихо.

— Давайте ужинать, — прервал неловкую тишину Ондражей.

Но за столом разговор тоже не клеился. Поленья негромко потрескивали. Вилки и ложки стучали о простую деревянную посуду.

— Папа, а какой была мама? — внезапно спросил Сергей.

— Она была хорошей, — Ондражей не сразу нашел, что ответить. — Хозяйкой хорошей. По дому убирала, готовила. Веселая такая...

— Ты так про соседок говоришь, — разочарованно поморщился Сергей. — Сегодня мог бы про нее вспомнить.

— Такой день... — ковыряясь в тарелке, замялся лекарь. — Что ты хочешь про нее узнать?

— Какой она была?

— Доброй. Когда работала, любила петь, — словно через силу стал вспоминать Ондражей. Его горло сжималось, не желая выпускать наружу ни слова.

— Ты меня винишь в том, что ее нет? — мальчик прямо посмотрел в глаза отцу.

При этих словах плечи безмолвного Тонира слегка вздрогнули.

— Ты чего надумал? Четырнадцать лет назад она жизнь отдала за тебя. И если бы понадобилось, если бы смог — я и свою отдал бы. А ты... — лекарь махнул рукой, поднял кружку с пивом и выпил ее залпом.

Тонир на мгновение закрыл глаза, словно ему вдруг стало плохо.

Дом снова погрузился в тишину. Лишь дрова в очаге негромко потрескивали. Тонир ковырялся в своей тарелке. По его виду, как и всегда, было непонятно, то ли ему все происходящее безразлично, то ли он о чем-то задумался.

Морозы на дворе крепчали. Снега становилось все больше.

— Вона как, — довольно говорил староста, — хоть все жуки перемерзнут. Если весна не подведет — урожай будет что надо.

Деревенских мальчишек и девчонок его заботы волновали мало. Целыми днями они играли в снежки и беззаботно катались на санках. Взрослые жители Полевки погрязли в неспешном зимнем быту.

В этот вечер вокруг царил беспросветная тьма новолуния. Сергей перед огнем читал книгу о героях минувшего, Тонир за столом выписывал что-то из травника, а Ондражей возился с какими-то крайне вонючими настойками, перебивавшими даже запах квашеной капусты, оставшийся от ужина.

Сначала залились диким лаем собаки. Спустя короткое время их лай дополнил пронзительный женский крик. В Полевку пришла беда.

— Оставайся здесь, — бросил Ондражей, хватая топор. — Не высовывайся.

Он ринулся к двери. Маг поднялся следом за ним и растворился в темноте улицы. Сергей от неожиданности оцепенел и еще несколько секунд сидел за столом. Снаружи все громче раздавались крики и звуки ударов. Спустя пару мгновений мальчик пришел в себя и осторожно выглянул за дверь.

Разбойники в рваных тулупах превратили деревню за считанные минуты в кошмар. Они крушили все на своем пути, ломали двери и с хохотом гнались за женщинами, выбежавшими на мороз в легкой домашней одежде. Один из домов уже начал гореть. Черный дым поднимался над оранжевыми всполохами и терялся в ночном небе. Дико выли коровы, визжали свиньи, собаки захлебывались лаем. Жутко воняло гарью, паленой шерстью и тресухой. В ушах стоял шум.

Посреди двора стоял Ондřej и сражался с двумя грабителями. Он ловко отбивал их атаки, блокируя удары топором. И тут из темноты позади него возник третий. Он быстро и бесшумно подкрадывался к лекарю.

— Папа! — бессильно крикнул Серхей.

Лекарь хотел обернуться, но было уже поздно. Нож негодяя перерезал ему горло. Кровь из раны щедро оросила чистый снег. Отец упал и уже мертвыми глазами смотрел на сына.

Разбойник с окровавленным ножом и каким-то обезумевшим взглядом шел прямо на Серхея. Мальчик выхватил из-за пояса кинжал, подаренный отцом. Холодная сталь обжигала ладонь.

Убийца уже оказался в нескольких шагах от него. Он разинул рот в звериной улыбке, обнажая гнилые зубы. До парнишки доносился тяжелый запах перегара и чеснока.

И тут произошло что-то странное. Глаза убийцы внезапно покраснели, он застыл. Из носа и ушей по грязной бороде потекла кровь. Разбойник рухнул.

Оба грабителя, которые сражались с Ондřejем, дико заорали. Их ноги и руки неестественно вывернулись, словно они были тряпичными куклами. Их оружие упало на землю. После этого послышался хруст, головы с расширенными от ужаса глазами покосились набок. Тела разбойников рухнули.

— Маг... маг! — раздалось откуда-то сбоку.

И тут Серхей увидел Тонира, стоящего в темноте. В его сторону полетела стрела. Она резко остановилась в воздухе и рухнула на грязный снег. Уже через минуту в деревне не осталось ни одного разбойника. Со всех сторон слышались стоны, женский и детский плач, перекрываемые бешеным лаем собак.

Следующее, что увидел Серхей, — фигура Тонира, стоящая на фоне пламени горящего дома. Чародей поднял руки к огню, обратив к нему ладони. Когда он медленно их опустил, вместе с этим жестом исчез и пожар.

А Серхей упал на колени перед безжизненным телом отца. В его руках дрожал кинжал. Мальчик тихо, бессильно плакал. Он что-то говорил. То, что не успел сказать ему при жизни. Но в ответ были только тихая ночь и лай собак.

Когда холодное зимнее солнце все же вышло из-за вершушек деревьев, оставшиеся в живых мужчины потянулись к городскому кладбищу. С ними пошел и Серхей. Морозную утреннюю тишину нарушало только карканье вечно голодных ворон. Смерть бросила свой взгляд из-под черной косынки на Полевку, сковав ее скорбью.

Всю эту бессонную ночь он провел рядом с телом отца. Вместе с Тониром они перенесли его в дом и уложили на кровать. Серхей сидел рядом, держал отца за руку и никак не мог поверить, что самого близкого ему человека больше нет. Маг сидел молча и не вмешивался. Он не пытался ободрить или успокоить паренька. Он просто тяжело дышал, как будто без передышки разгрузил телегу тяжелых мешков. Его взгляд замер в одной точке, словно он пытался что-то в ней разглядеть, но ему никак это не удавалось.

Промерзшая земля плохо поддавалась, и поначалу ее пришлось долго долбить кирками. Лишь потом в дело вступили лопаты. Серхей вырыл могилу рядом с могилой своей матери, которую никогда не знал.

Тела убитых разбойников не стали хоронить. С них сняли одежду, оружие, все самое ценное и отвезли к глубокому оврагу далеко за городом. Деньги и драгоценности, найденные у них, староста поровну разделил между семьями, потерявшими ночью своих родных. Десяток серебряных монет он отдал и Серхею. Разве могла горстка холодного металла заменить ему отца?

Ближе к вечеру к кладбищу потянулись сани, на которых везли тела погибших, обернутые в грубую мешковину. Мужчины тащили их молча. Тишину нарушали только скрип снега, звонкий на морозе лай собак и крики птиц.

Староста подходил к каждой могиле, произносил слова и шел дальше. Дошла очередь и до места, где стояли Серхей и Тонир. Двое мужчин аккуратно положили завернутое в грубую мешковину тело в могилу. Гурджуф сделал шаг вперед и снял шапку.

— Покойся с миром, Ондржей, — скорбно произнес он. — Ты лечил всю деревню, многие из тех, кто остался, тебе обязаны жизнью. Извини, что не уберегли.

Он повернулся к мальчику и приобнял его. Затем натянул на свою лысину шапку и пошел дальше исполнять свои обязанности перед другими скорбящими. В дело вступили лопаты. Комья земли стали падать на тело, которое вскоре скрылось под ними. Серхей не отводил взгляда, пока на месте могилы не вырос аккуратный земляной холм.

Паренек достал из кармана мешочек с серебром, полученным от старосты, и положил его поверх земли. Не нужны эти кровавые деньги! Отца они не вернут. А скольких людей эти твари лишили жизни ради холодных кусков металла? Пусть останутся тут.

Люди стали расходиться с кладбища. А он стоял и смотрел на могилу отца. Когда стало смеркаться, рядом с ним остался лишь маг.

— Пойдем, — сказал он и направился к дому.

Серхей постоял еще минуту, словно чего-то ждал, а затем, не оглядываясь, пошел за Тониром. С неба падал тихий мягкий снег.

В доме было холодно. Мальчик молча принес дров. Тонир протянул руки, желая помочь разжечь огонь, но Серхей оборвал его тихим: «Нет...» — и развел огонь по старинке, так, как это делал отец. Вскоре огонь ожил, и паренек стал снимать уже высушенные травы, складывая их в мешочки.

Тонир молча следил за всем этим.

— Как раньше уже не будет, — маг прервал тишину.

— А как будет? — резко развернулся Серхей. Его глаза были полны злости. — Как будет?

— Я не знаю... — устало выдохнул Тонир и сел. — Ты можешь делать все так, как делал отец. Ты можешь сохранить все в доме. Но он не придет.

— Я знаю, — глаза сироты вспыхнули ярче. — Ты мог закончить все еще раньше. Ты мог спасти его.

— Мог, — в его голосе не было оправдания. Только усталость.

Серхей долго ждал объяснений. Но их не было.

— И что делать дальше? — спросил он уже без злости.

— Жить, — Тонир смотрел парню в глаза. — И помнить прошлую ночь. Помнить ее всю жизнь.

Чародей опустил взгляд на пол и так и остался сидеть. Мальчик лег на свою кровать и отвернулся к стене. Слезы горечи, досады и обиды душили его. Ну почему чародей не вмешался раньше? Почему позволил этому случиться? Почему?!

До весны время тянулось медленно. У Серхея теперь появились новые заботы — те, которыми раньше занимался отец. Накормить кур, корову, убрать за ними, наколоть дров. Теперь все легло на плечи Серхея. А еще лекарства и больные. Тонир как мог помогал. Он поддерживал чистоту в доме, следил за огнем и готовил еду. До Ондржея ему было далеко, но он искренне старался. По крайней мере, голодными они не были.

А потом закончилась и зима. Когда на деревьях появились почки, а дороги почти просохли, маг пошел к старосте.

— Мне нужны две лошади, — с ходу заявил он.

— Всем нужны, — резонно заметил Гурджуф, затянувшись дымом из трубки. — Скоро на поля пойдем работать. Лишних нет. А зачем тебе две?

— Хочу мальчика взять с собой.

— А он этого хочет? — лукаво взглянул на чародея мужичок.

Тонир спокойно пожал плечами.

— Я ему еще не предлагал. А что ему делать у вас?
— Людям помогать, лечить. То же, что делали его отец и дед.
— Ему надо учиться, — заметил маг. — Я обещаю за ним присмотреть.
— Если Серхей согласится, пусть едет, — безразлично отозвался староста и задумался.
— Одну лошадь дам. Как-то я свалился с лодки в ледяную воду. Если бы не лекарь, давно уже был бы со своими предками. Хоть так отблагодарю...

— И телегу, — добавил Тонир.

— За корову и кур, — хитро согласился лысоватый мужичок. — Все равно, если он уезжает, их куда-то девать пацану надо.

На том и порешили.

Чародей вошел в дом лекаря и сел за стол, за которым Серхей перебирал травы.

— Мне пора уезжать, — начал Тонир.

— Я понимаю, — Серхей кивнул. Еще с тех пор как снег начал таять, он представлял, как будет жить один. И это одиночество его пугало.

— Поедешь со мной? — спокойно спросил Тонир.

— Зачем? — стараясь не выдавать эмоций, спросил мальчик.

— Ну как? — Тонир явно не ожидал такого вопроса. Впервые Серхей увидел, что тот в замешательстве. — Жить будешь у меня. Учиться будешь.

— Зачем? — снова повторил он свой вопрос.

— Ну... — маг наконец понял смысл вопроса и несколько раз быстро моргнул. — Чтобы жить дальше! Твоей деревней мир не заканчивается! То, что твоего отца убили негодяи, — это беда. Но надо жить дальше. Ради себя. Надо прожить не его жизнь, а свою...

В старом деревянном доме повисла тишина. Волшебник выдохнул и поджал губы. Он смотрел прямо в глаза парню.

— А сюда всегда вернуться сможешь, — спокойно произнес он свой последний аргумент. — Если захочешь...

— Хорошо, — Серхей поднял глаза на Тонира. — Но сюда я уже не вернусь.

Они оба понимали, что паренек прав.

Сборы в дорогу заняли целый день. У Тонира не было ничего, кроме посоха, серебряного кинжала и дорожной котомки. Серхей же нагрузил сумки сыром, вяленным мясом и лепешками. В мешок сложили лекарства из запасов отца. В небольшой заплечный рюкзак отправились старый травник и фигурка, подаренная Тониром. Туда же легли и завернутые деньги, оставшиеся от отца.

Перед рассветом Серхей убрал дом, поправил кинжал за поясом и крепко запер дверь. Телега медленно двинулась по молчаливой деревенской улице. Вскоре за домами показалось кладбище. Где-то там лежали его мать и отец. Весенняя трава уже пробилась из земли, отчего свежие могилы резко выделялись на ее фоне темными холмами сырой земли.

Дорога пошла оврагами. Проезжая мимо, парень увидел уже наполовину разложившиеся и обглоданные зверьми тела ночных грабителей, от которых стояла ужасная вонь. Он опять вспомнил об отце. Не его смерть, а то, каким он был. Как улыбался, готовил, лечил. И испугался. Его лицо и голос начали стираться из памяти.

Серхей оглянулся на уже почти исчезнувшую из вида деревню и понял, что был неправ. Он вернется. Он сюда еще обязательно вернется.

Глава 3

Всюду вдоль дорог чувствовалась весна. Лес постепенно редел, сменяясь полями, на которых трава уже поднялась пушистой густой зеленью. Проселочную колею окутывал запах набухающих почек, молодой листвы и прогретой весенней земли. Птицы радостно перекликались друг с другом.

Тонир все время молчал. Он мог часами сидеть неподвижно. Даже когда телега подпрыгивала на кочках, он не отводил взгляда от дороги.

Серхею же не сиделось спокойно. Он впервые уехал так далеко от родного дома. Все вокруг казалось ему ярким, праздничным и в то же время немного чужим.

К вечеру телега выехала на открытые поля. Деревья больше не заслоняли небо, раскинувшееся до самого горизонта. Серхей окунулся в его синеву и в этот миг понял, насколько мир огромен. Он не заканчивался Полевкой или даже тем лесом, который они минули. Мир показался ему бескрайним.

Когда стало смеркаться, путники разбили лагерь недалеко от дороги. За весь день они не встретили ни одного человека. Лошадь спокойно щипала траву, костер мерно потрескивал. Но это уже не походило на уют родного дома. Здесь чувствовалось что-то другое — манящее к себе, зовущее к приключениям. Поужинав сыром с лепешками, мальчик заснул.

Ночью Серхея разбудил холод. Он резко сел, не сразу понимая, где находится. Дул ледяной ветер. Где-то неподалеку завывали волки. Забеспокоилась привязанная лошадь.

Тонир сидел у костра. Он был неподвижен и спокоен. Его ничуть не волновало происходящее вокруг. Создавалось ощущение, будто он прислушивался к потрескиванию огня.

На второй день пути, ближе к обеду, дорога привела их к странному месту. Поля вокруг были зелеными, цветущими. И вдруг эта зелень резко оборвалась. Природа впереди была другой. Мертвой.

Мальчик соскочил с телеги. По виду это была земля, но какая-то странная. Он потрогал ее — она была твердой, словно камень. На этом куске земли словно закончилась жизнь.

— Что это...? — немного испуганно спросил Серхей.

— Это следы Гнева, — спокойно ответил Тонир.

— Гнева?

— Да. Того, что Боги наслали на людей. В летописях сказано: «И огонь пал на города и села. И не осталось там живых ни людей, ни животных. И земля перестала родить...»

Тонир поднял странный сухой ком, который рассыпался у него в руках.

— И так везде? — изумился мальчишка.

— Нет. Но таких мест еще много.

Впервые Серхей столкнулся лицом к лицу с тем, о чем говорили в книгах. Неужели Гнев был так силен? За что же Боги так разгневались на людей, что стерли почти все с лица земли? Сможет ли мир когда-нибудь полностью исцелиться? Мертвая полоса тянулась до самого горизонта, становясь все шире. Ему захотелось ступить на это странное поле.

— Не надо, — остановил его Тонир. — Те, кто заходил в такие земли, обратно не возвращались. Говорят, следы Гнева куда глубже, чем нам кажутся.

Молча они поехали дальше. Еще долго по правую руку тянулась мертвая полоса. Потом она начала сужаться. Лишь спустя несколько часов возле дороги снова появилась трава. Но перед глазами Серхея продолжало стоять странное гиблое место, оставившее множество вопросов. Вот и знамение Богов. А ведь многие в деревне не очень-то в них верили. Да, они приносили жертвы и совершали обряды, но мало кто по-настоящему верил. И вот оно — доказательство их существования. Страшное. Ужасающее.

Ближе к вечеру на дороге показался первый за несколько дней человек. Это была женщина, сидящая в пыли на обочине. Ее одежда была вся изорвана и залита кровью.

— Помогите! — слабым голосом протянула она руки к путникам.

Сергей соскочил с повозки и подбежал к ней. Кровь запеклась на коже. Она была практически везде. На руках, плечах и ногах темнели синяки и порезы. Лицо отекло и превратилось в красновато-лиловый шар с глазами, ртом и носом.

Тонир остался сидеть на повозке. Он даже не двинулся, только взял в руки свой посох. Но что-то в его глазах изменилось. Внимательно посмотрев на женщину, он перевел взгляд на поле. Глаза мага слегка сузились.

Но Сергею было не до этого. Он осмотрел незнакомку. Быстро достав из мешка перевязку, мальчик обработал ей раны и дал отвар от боли.

— Тихо... — успокаивал он ее. — Все будет хорошо.

— Довезите меня, пожалуйста, до первой деревни, — простонала, плача, женщина. — Я... не дойду!

— Конечно! — сразу ответил Сергей.

Он помог несчастной взобраться на телегу. Тонир не сказал ни слова. Только натянул поводья, и телега покатила дальше.

Через какое-то время, видимо, обезболивающее подействовало, и женщина заговорила, тяжело дыша:

— Мы с мужем торговали... ездили по деревням. То тут что-то продадим, то там. Покупали у деревенских разное и возили в город. Ах... — несчастная кривилась на каждой кочке. — Два дня назад вечером на нас напали. Это была засада на дороге. Двое выскочили из травы и сразу убили мужа. А меня... забрали...

— И как же вы выбрались? — сочувственно спросил Сергей.

— Не знаю, — плача, продолжила рассказ женщина. — Они... издевались... насиловали... Особенно одноглазый. Ему руку прокусила сильно... он меня чуть не убил... Свои...

Тонир повернул голову.

— Так как выбралась? — Его голос был холодным и пустым.

— Прошлой ночью они меня связали и наконец-то пьяными заснули, — торговка продолжила рыдать. — А я... сама не знаю... просто развязалась как-то и побежала...

— Где это случилось? — в голосе мага появились нотки раздражения.

— У дороги... — прикрывая глаза, пробормотала женщина.

— Там их три, — раздражение в голосе Тонира начало перерастать в злость. — У какой?

— Возле поля.

— Они все возле поля. У какой?

— Которая... ведет в город...

— И куда тебя отвели? — недобро улыбнулся маг.

— Туда... — торговка бессильно махнула рукой. — В поле. Около мертвой земли... туда никто не заходит...

Тонир развернулся и снова стал смотреть на дорогу.

— Сколько их было? — вопрос мага прозвучал холодно.

— Двое... напали. А в поле их ждал еще один...

К вечеру они доехали до первой деревни на своем пути. Сергей помог несчастной вылезти из телеги. Дальше о ней позаботились крестьяне и поблагодарили путников за спасение.

Когда деревня уже оказалась позади, Сергей не выдержал.

— Почему мы не заночевали здесь?

— Потому что совпадений не бывает, — недовольно заворчал Тонир. — А если она нас специально сюда хотела завести? Она сама могла быть из лихих людей.

— Ей нужна была помощь! — начал возмущаться Серхей. — Она вся избитая...

— А ты был уверен? — хитро улыбаясь, отозвался маг. — Это могла быть засада на дороге.

— На мага? — удивился Серхей.

— А ты думаешь, нет таких сил, которые могут удержать магию? Колдунов и самоучек всяких хватает. Тогда я бы не оказался в вашей Полевке...

— А если ты ошибся?

— Тогда мы просто не поспим в тепле... — пожал плечами Тонир. — Ты руки ее видел?

— Ну да... — не понял, к чему это было сказано, Серхей.

— А следы от веревок на них были? — с ехидцей спросил маг.

Серхей не нашел, что ответить. Следов не было.

Парень долго молчал. Телега мерно покачивалась на весенней дороге.

— А если бы мы с отцом прошли мимо тебя? — неожиданно спросил Серхей.

— Это было бы разумно. Но я бы умер, — так же бесцветно произнес маг.

— Значит, мы спасли тебя? — запальчиво произнес мальчик.

— Наверное, — вздохнул он. — Пойми, всем помочь в этом мире нельзя. По крайней мере, не таким способом. А вот самому погибнуть — легко.

На развилке Тонир повернул повозку на дорогу к городу.

— Там же разбойники? — удивился Серхей.

— Или хотят, чтобы мы думали, что там разбойники... — раздраженно заметил Тонир.

Ночь они снова решили провести в поле. Тонир опять не спал. Костер не стали разводить. Поужинали остатками припасов. Маг сидел неподвижно, словно статуя, и смотрел куда-то вдаль.

Когда ночь окончательно опустилась на землю, Тонир показал Серхею жестом: «Тихо». Возле дороги показалось несколько человеческих фигур. Тени не двигались. Они просто стояли. Так продолжалось минут двадцать. Потом со стороны деревни появилась еще одна фигура. Присоединившись к первым двум, они двинулись куда-то по дороге.

От этого Серхею стало как-то не по себе. Больше заснуть он не смог. А вдруг Тонир был прав?

До конца ночи они так и не зажгли огонь.

На следующий день по дороге стали попадаться и другие деревни. В одной из них Серхей увидел первый в своей жизни Храм всех Богов. Деревянный, с немного покосившейся крышей. Но это был храм. В Полевке был только алтарь, к которому ходили местные. Старенький, выветренный каменный стол с изголовьем в виде дракона. Его просили о помощи в делах и рождении детей. Староста с мужиками приносил жертвы перед посевом и после сбора урожая. Но тут был целый храм. Да и сама деревня оказалась в несколько раз больше Полевки. Здесь маг и предложил заночевать.

На главной улице нашелся и трактир. Закинув наверх, в комнату, мешки с вещами и оставив лошадь с телегой в конюшне, Тонир и Серхей спустились вниз, в харчевню.

Ароматы вареного мяса, квашеной капусты, вяленой рыбы, свежей зелени и жуткого перегара витали над столами. Тонир и Серхей заказали себе по миске похлебки, хлеб, жареную картошку и кувшин компота. Девочка-подросток, обслуживающая столы, резво убежала, надеясь, видно, на хорошие чаевые.

Мальчик обвел глазами зал. Он впервые был в таком заведении. Уставшие после работы селяне пили пиво и спокойно разговаривали. И только в дальнем углу было шумно. Четверо мужчин в окружении молодых, смеющихся, ярко разодетых девушек пили вино, курили и играли в карты. Двое из них — просто огромные амбалы — были, видимо, местными. Про-

стые полушубки, бороды, по которым можно было узнать, что они ели на обед. А вот другие резко выделялись на их фоне. Кожаные потертые куртки и загорелые сухие лица выдавали в них тертых калачей, вдоволь поскитавшихся по свету. У одного не хватало глаза. На лице его не было повязки — просто прикрытая веками дыра. Его кисть была перевязана тряпкой.

Сергей уже собрался подскочить и что-то крикнуть, но Тонир рукой остановил его.

— И что ты скажешь всем вокруг?

— Что это разбойник...

— А доказательства? — спокойно, с интересом посмотрел маг в глаза Сергею. — Сначала всегда думай. А потом действуй.

Мальчишка сел обратно. Но расслабиться никак не мог. Его взгляд все время останавливался на одноглазом и его перевязанной руке. Тот это заметил.

— Что, парень? — подмигнул мальчику оставшимся глазом он. — Одноглазых не видел? Сергей промолчал.

— А вот бабы любят убогих, — калека мерзко заржал и поднял перевязанную руку. — Вишь, у меня на руке — тут вот одна такое удовольствие получила, что аж покусала.

Договорить ему не дала одна из девиц, глубоко и развязно поцеловав его.

— Успокойся, — тихо сказал Тонир. — Ты уверен, что это он?

— Да, — процедил сквозь зубы Сергей.

— Тогда просто смотри.

Вскоре девочка принесла путникам весь заказ, и они отвлеклись на ужин. Мальчик до этого даже не подозревал, что так сильно проголодался. Оба с аппетитом принялись за еду. А потом Тонир заказал еще и десерт — сладкий творог с медом. Такого Сергей никогда не ел. В Полевке говорили, что в городе есть «сладости», но что это такое, он не представлял. Десерт ему невероятно понравился. Тонир сидел рядом и пил компот.

— Почему ты никогда не пьешь пиво? — спросил у него Сергей. — Другие вон — каждый день.

— Потому что хмель глушит разум, мешает видеть, — сухо ответил маг.

— Как это?

— Вот ты пока учишься, — маг сделал глоток из кружки. — Ты смотришь, но не видишь. Маг должен всегда не только смотреть, но и мыслить. Головой. Радость, печаль, злость не должны мешать...

И тут за столом картежников что-то началось.

— Ты мухлюешь! — заревел во весь голос один из местных здоровяков.

— Следи за словами... — скривив рот, процедил одноглазый.

— Я за руками слежу, — бородатый местный выбил у него из рук карты, и все за столом ахнули.

Девочки, которые до этого то обнимали игроков, то сидели у них на коленях, словно почуяв неладное, отошли далеко в сторону. Теперь мужчинам было не до них. В харчевне все притихло.

Второй местный мужичок встал из-за стола.

— За такое у нас отрубают руки.

— Умей проигрывать, — откинулся на спинку стула одноглазый, нагло ухмыляясь.

Сергей почувствовал, как в этот момент что-то изменилось. Тонир неспешно повернул голову и посмотрел на спорщиков.

Соратник одноглазого одним взмахом перевернул стол. С него полетели карты, кружки и тарелки. Оба негодяя вскочили на ноги. В их руках блеснули ножи.

С оскалом хищной птицы одноглазый ринулся вперед. Его удар пришелся в плечо бородатого мужика, тот взвыл, и они сцепились, повалившись на грязный пол. Девки с воем выбежали из кабака.

— У нас шулеров не любят, — угрожающе сказал второй здоровяк, надвигаясь на второго заезжего. Тот оказался прижат к стене. Он попытался сделать выпад ножом, но что-то ударило его в висок. От удара невесть откуда прилетевшей кружки тот выронил нож. Драгоценное время было упущено, и мужичок в кожаной куртке оказался прижат локтем к стене. Он пучил глаза, бил местного по бокам, но это его не спасало. А потом затих.

На полу продолжалась свалка. Одноглазый явно брал верх, несмотря на свою щуплость. Он уже сидел сверху. В его руках сверкнуло лезвие. Бородач шарил руками по полу. Его рука наткнулась на вилку, и уже через мгновение та торчала из единственного целого глаза противника.

Ослепший окончательно одноглазый взвыл и рухнул на пол. Местный, который обвинил заезжих в мухляже, смачно плюнул мертвецу в лицо.

— Не тех решили обуть, — крикнул он, пытаясь заглушить крики слепого.

Он взял страдающего от дикой боли мужика за волосы, ударил его головой об стол, и тот затих. Подхватив за шиворот убитого и оглушенного соперников, он выволок их за дверь и скрылся с ними в темноте.

Спустя пару минут в харчевне снова стали говорить. Естественно, главной темой стала недавняя драка. Тонир устало выдохнул, будто только что закончил тяжелую работу.

— Быстро расплачиваемся и идем к себе в комнату, — прошептал на ухо мальчику Тонир. — Идем не торопясь. Делаем вид, что ничего не произошло.

С этими словами он двинулся к лестнице. Серхей позвал девчонку, расплатился за ужин и поднялся за магом. Как ни жалко было расставаться с монетами, доставшимися от отца, но приходилось с этим мириться.

— Выследили, — зло бросил Тонир, едва они вошли в комнату.

— Кто? — не понял Серхей.

— Эти, — Тонир махнул рукой в сторону двери.

— Ты что, думаешь, они следили?

— Да, — маг кивнул.

— Так все-таки купчиха была наживкой? — спросил Серхей.

— Да, — кивнул Тонир. — Дело, думаю, было так. Подстерегли они на дороге пару торговцев. Мужа зарезали, а с женой побаловались. А что делать дальше? Бабу можно тоже убить. Но гораздо лучше — использовать ее. Наверное, сказали ей: «Хочешь жить — найди нам добычу пожирнее. Тогда и отпустим». Та и нашла нас. А потом, видимо, мужички увидели в телеге мага и сразу нападать побоялись. Решили подстеречь нас у деревни, а там сонными взять врасплох. Там нас потеряли, но поняли, что далеко мы ночью не поедем. Похоже, к утру обложили все дороги и увязались за нами.

— Но их же всего трое... — Серхей растерялся.

— Это она так сказала. Ты что, думаешь, они решатся напасть на мага втроем? Я не удивлюсь, если уже вся деревня окружена.

— И что же делать? — мальчик был напуган.

— Уезжать поздно. Делаем вид, что ничего не замечаем. Сейчас погасим свет и будем ждать.

Тонир молча подошел к своей кровати и аккуратно расправил одеяло. Несколько быстрых движений — и под ним уже угадывался силуэт спящего человека. То же самое он сделал и со второй постелью. Свеча тихо погасла, словно сама по себе. Маг плотно задернул шторы.

— Сюда, — едва слышно прошептал он.

Серхей сел в углу у двери, крепко сжимая кинжал. Тонир занял место в углу по другую сторону двери.

Где-то внизу хлопнула дверь. Кто-то закашлял. Еще около часа снизу доносился какой-то шум. Тарахтели ложки, бились кружки друг о друга. А потом все стихло. Настроение у собравшихся, видимо, после происшествия заставило местных поскорее разойтись по домам.

Так в тишине прошло несколько часов. Сергей уже начал сомневаться, не ошибся ли Тонир, когда услышал тихий скрип половицы за дверью. Мальчик задержал дыхание.

Медленно, беззвучно замок начал сам открываться. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель проскользнуло два темных силуэта.

Они двигались уверенно, мягко, как кошки. Каждый направился к своей кровати. Удары ножей встретили пустые одеяла. И в этот момент вспыхнул свет. Разом вспыхнули все свечи и лампы. Грабители отшатнулись. Руки их дернулись, будто рукояти ножей обожгли им ладони. С глухим звуком лезвия упали на пол.

Со стола сорвались кружки, тарелки, вилки, чернильница — все взлетело и стало описывать круги над головами взломщиков, словно хищные птицы над своей добычей. Сергей встал. Его руки еще крепче сжимали последний подарок отца.

Тонир уже стоял в дверях.

— Не шевелиться, — шипя, приказал он угрожающим тоном. Маг уже разворачивался лицом к коридору.

Там кто-то стоял. Это был старик в меховой шапке. Его руки крепко сжимали амулет.

— Самоучка... — брезгливо усмехнулся Тонир. — И ты решил, что со мной справишься?

Мужичок уставился на Тонира перепуганными глазами.

— Пошли вон отсюда, — слова мага слетали так, будто он говорил с какой-то мерзостью. — Если завтра увижу хоть одного из вас в этой деревне, если узнаю, что идете дальше за нами по пути, — вам конец. Начнется охота. Я не успокоюсь, пока вас всех не истреблю.

Старик побледнел, словно увидел перед собой смерть. Он начал быстро пятиться к лестнице, боясь оторвать глаз от мага. Тонир вышел в коридор и пропустил мимо себя разбойников. Затем сама собой дверь захлопнулась. Все летающие предметы медленно и аккуратно вернулись на свои места.

Тонир тяжело вздохнул и сел на кровать. Его пальцы едва заметно дрожали.

— Теперь ты понял, почему я не люблю совпадения?

Глава 4

После этого случая Тонир и Серхей больше не ночевали вне деревень. Да это было и не нужно.

Всю следующую неделю они продолжали путь. И чем ближе становилась столица, тем богаче были поселения. Если вначале каменные дома были большой редкостью, то вскоре деревянные уже почти не встречались. Исчезли нетронутые рукой человека поля. Дальше их путь лежал через аккуратно размеченные засеянные нивы, цветущие сады за окрашенными оградами. Они проезжали мимо уютных деревень, где вдоль дорог тянулись канавы.

Дорога оживала. Тянулись арбы и повозки торговцев и крестьян. Серхею было как-то неудобно от того, что их телега была сколочена из серых досок. Она выделялась не в лучшую сторону по сравнению с другими повозками — крашеными, а зачастую и крытыми тканевыми навесами.

На дорогах встречались и патрули. А ближе к городу повозка катилась уже мимо укреплений. Если вначале это были простые деревянные вышки по обе стороны дороги, то к концу недели вместо них возвышались каменные форты. В одинаковых сверкающих доспехах солдаты внимательно следили за каждым путником. Мальчик то и дело чувствовал на себе их тяжелые, оценивающие взгляды.

Каждый день открывал Серхею мир с новой стороны. Вместе с домами менялся и облик людей. Все чаще им попадались люди, одетые очень ярко. В Полевке такое не носили. Там думали не о красоте, а о том, будет ли одежда достаточно теплой и не мешает ли работе. В своей мешковатой серой рубаше и простых штанах парень чувствовал себя совсем неуютно среди этого парада красок.

Телега катилась мимо ветряных мельниц и каменных мостов, о которых Серхей читал в книгах и слышал от отца. Дороги поселений были вымощены деревом, битой керамикой, а ближе к городу — и галькой. Мелькали храмы, торговые лавки, а кое-где и школы, из которых доносились детский смех и строгие голоса учителей.

Возле каменных домов красовались палисадники с цветами. Некоторые ворота во дворы были украшены изображениями бегущих лошадей, ярко-красных петухов и искусно переплетающихся между собой растений.

Всю эту весеннюю пестроту немного портили ароматы конского, коровьего и овечьего навоза, которым были щедро удобрены дороги и обочины. Вместе с цветущей сиренью в воздухе рождалась странная какофония запахов. В этом чувствовались быт, труд и неизбежная с ними грязь.

В одной из деревень, накануне въезда в город, Тонир продал телегу и лошадь.

— Дальше идем пешком.

— Почему? — не понял Серхей.

— Я не могу себе позволить въехать в столицу на телеге. Репутация стоит дороже мимолетных удобств...

— Тяжело будет, — вздохнул мальчик, уже представляя себе эту ношу.

— Ничего. Ты понесешь мешки. Избавимся от остатков припасов, а остальное будет на тебе.

Парень слегка скривился от этих слов, словно уже ощущая на плечах тяжесть будущей ноши.

На следующий день, ближе к обеду, они увидели на горизонте шпили. Тонир ускорился. Он будто стал еще жестче. Серхей еле за ним поспевал.

С каждым шагом город будто вырастал из-под земли прямо на глазах у путников. Цветные флаги украшали стены у входа в него. На них красовался ощерившийся черный волк на голубом фоне. Медными буквами над центральными воротами было выведено название столицы — Вольфсдам.

Караульные на входе явно скучали. Ленивыми взглядами они сонно провожали входящих в город, иногда заглядывая в их мешки и повозки. Когда Тонир и Сергей подошли ближе, стражники насторожились, но ничего не сказали. Было заметно, что они узнали мага, проводив его взглядами. Старший слегка кивнул, отдавая молчаливое приветствие.

— А этот с тобой? — пророкотал он, ткнув пальцем в Сергея.

— Со мной, — как всегда, коротко ответил Тонир.

Стражник внимательно посмотрел на пыльного парня и на мешки, которые тот тащил.

— Не похож на городского... — брезгливо вставил вояка.

— Так и не должен... — Тонир пошел вперед, взяв Сергея за плечо. Стража отступила.

Город был весь из камня. Каменные стены, дороги и дома будто сливались в единый монолит. Здесь не было ни кустика, ни травинки. Только местами плющ обвивал стены. Природа уступила здесь место человеку.

Тонир уверенно шел сквозь толпу людей. Растерявшийся Сергей смотрел по сторонам и старался не отставать от него. Жуткий гул шагов, разговоров, смеха и ворчания сливался в единый поток, отражался от булыжников и еще сильнее сбивал парня с толку. Пару раз он невольно задел мешком идущих навстречу. Кто-то бросал недовольные взгляды, но человеческий поток не останавливался ни на мгновение.

— Поаккуратнее, пацан, — двинул его плечом высокий усатый мужик в кожаной одежде.

Маленькие улочки отходили от главной, по которой они шли, исчезая за двух-, а то и трех-четырехэтажными домами. На глаза часто попадались харчевни, расположенные на первых этажах. Но они, в отличие от провинциальных, были чистыми и светлыми. Богато одетые люди сидели возле них за чистыми деревянными столами и пили ароматный чай со свежей выпечкой. Их не смущало валяющееся невдалеке собачье и лошадиное дерьмо. Сонные весенние мухи садились на него как на деликатес, составляя компанию обедающим горожанам. В животе у мальчика предательски заурчало, и он вспомнил, что после завтрака из недельных лепешек и деревенского сыра с зеленью ничего не ел. Запах булок манил к себе, и Сергей невольно замедлил шаг.

Вывески на тканях и дереве мелькали буквально над каждым входом. Булочные, торговцы тканями, сапожных дел мастера, книжные лавки. И каждая старалась выделиться и запомниться на фоне других. Маленький сорванец возле одного из входов кричал во всю глотку:

— Наша кожа так тонка, что порвется даже от взгляда щенка! Если тебе никак не везет, Смени сапоги — как по маслу пойдет!

В одном из домов вместо стены стояло большое стекло. За ним были копченые колбасы, круги сыров, ровные бруски копченостей и даже тушки птиц. Парень впервые в своей жизни увидел магазин. Живот снова громко заурчал. Он отвлекся на секунду и потерял Тонира. Тот будто растворился в толпе. Остаться одному в этом огромном каменном лабиринте — такого и врагу не пожелаешь.

— Чего встал, деревня? — грубо пихнул его какой-то мужик.

Испуганный Сергей еще крепче сжал мешки и завертел головой. Но тут парень заметил впереди знакомый посох с головой быка. Он рванул к нему, расталкивая прохожих.

Вскоре они вышли на большую площадь, на которую с разных сторон города сходились широкие дороги. Посреди нее, выше всех домов, возвышался каменный храм. Его стены украшала резьба удивительного мастерства. Здесь были и огромные драконы, и волки с единоро-

гами, и сражающиеся с ними люди. Серхей хотел взглянуть, что там внутри, но большие массивные двери были закрыты.

На ступеньках возле входа в храм столпилось около десятка человек. Все они были в каких-то лохмотьях, что резко выделяло их из толпы. Никогда прежде парень не видел в одном месте столько кривых, увечных и убогих. Серхей задержал взгляд на грязном калеке. Он был одет в серую рубаху и протягивал к людям своей единственной рукой миску.

— Не повторим Гнева! Люди, очнитесь! Мир катится к концу! Боги снова нас покарают! — гнусаво кричал тот противным голосом, тряся длинными грязными волосами.

Но все вокруг проходили мимо него, будто его и не было.

Тонир уверенно шагнул с площади на одну из дорог и двинулся по ней. Серхей мотал головой и никак не мог понять, как все окружающие его ориентируются в этом гигантском муравейнике. Спустя пару минут маг подошел к одному из двухэтажных домов и по-хозяйски открыл незапертую дверь. Серхей вошел за ним.

Они сразу попали в уютную светлую гостиную. Дорогая мебель, мягкие кресла и книжные полки создавали непривычный для мальчика уют.

Закрылась дверь, и шум уличной толпы стал глуше. Возле двери Тонир поставил свой посох. Серхей снял и положил рядом мешки.

Из соседней комнаты с веником в руках выбежала невысокая девчонка, почти ровесница Серхея.

— Тонир! — девочка подбежала к магу и со слезами обняла его. — Обещал же к зиме быть. Я уже думала, ты погиб.

— Не погиб... — тепло улыбнулся маг. — Знакомьтесь. Это Серхей. А это — Альма. Она помогает по дому. Тут все на ней держится.

Девочка продолжала будто не замечать парня.

— Мог бы предупредить, — девочка подбоченилась. — Я все глаза выплакала, думала, ты пропал. Уже съезжать отсюда хотела.

— Прости, — маг продолжал ласково улыбаться. — Не мог. Я забрел слишком далеко...

— Это уж точно... — упрекнула его девочка, поправляя свои каштановые кудряшки. — Сейчас накрою на стол.

Девочка убежала в соседнюю комнату. Тонир и Серхей сняли грязные ботинки и пошли за ней. Парню было неловко идти по идеально чистому полу. А Тониру было будто все равно.

Альма ловко металась по кухне, выуживая из разных шкафов еду.

— Хоть бы предупредил, — продолжала упрекать его девочка. — Я же не готова! А ты еще и с гостем.

— Он теперь свой, — мягко сказал Тонир, усаживаясь на стул. — Ученик и подмастерье. Будет жить с нами.

Только теперь Альма глянула на Серхея с некоторым интересом. Деревенский парень, весь в дорожной пыли и грязи, явно не произвел на нее впечатления. Карие глаза слегка закатились.

— Мы быстро на кухне поедим, а ты пока сбегай и купи все к ужину.

— Хорошо, — кивнула девочка. — Только денег дай.

— Извини. — Маг вышел из кухни и вскоре вернулся с мешочком денег. — Сильно нуждалась?

— Ну, не голодала... — лукаво посмотрела на него Альма.

— Остальное оставь себе. — Тонир махнул рукой.

— Здесь много, — с укором добавила девочка.

— Это тебе за переживания. Да и без жалованья была столько...

Она взяла деньги, две корзины и быстро вышла из дома.

— Ну да... — вздохнул маг, беря с тарелки вареный картофель и стручок зеленого лука.
— Не голодала...

Они молча съели очень скромный обед. Затем Тонир отвел Серхея на второй этаж.

— Это твоя комната. — Маг открыл дверь и пустил внутрь Серхея. — Рядом моя и Альмы. Можешь обставить ее как хочешь.

Тонир прикрыл за собой дверь. У Серхея еще никогда не было своей комнаты. Чистой, светлой, уютной. Мальчик растерянно стоял посередине с мешком в руках и даже не знал, что ему теперь делать. Он боялся даже притронуться к этой роскоши. Для одного дня это было уже чересчур.

Неслышно открылась дверь, и в комнату зашла Альма.

— Ну как, освоился? — Ее глаза светились какой-то искоркой.

— Еще нет, — буркнул парень.

— Поможешь мне? — по-хозяйски спросила она.

Серхей был рад сейчас любой работе. Это отвлекало его от нахлынувших эмоций и давало время успокоиться.

Они отправились осматривать дом. Второй этаж состоял из спален и библиотеки мага, запертой на замок. Со второго этажа лестница вела прямо в гостиную. Большие кресла, камин, книжные полки и небольшой стол создавали необыкновенно уютную атмосферу. Серхею стало даже как-то неловко перед Тониром. Теперь он мог сравнить свой родной неказистый дом и этот просторный дом, к которому привык маг.

Из гостиной вело несколько дверей. Одна из них выходила в прихожую-коридор, через которую путники и вошли в дом. Другая же — в столовую. Здесь вокруг массивного дубового стола расположились дорогие стулья. Столешница блестела чистотой и полировкой. За ним могло поместиться человек десять. Непонятно, зачем он был нужен, если маг до этого жил в доме только с девчонкой. «Может, любит гостей принимать?» — мелькнуло в голове у парня.

Вдоль одной из стен расположился большой пузатый буфет с чайным сервизом, какими-то явно дорогими бутылками и прочим добром. «И зачем ему столько выпивки? Он же не пьет! Значит, точно для гостей», — кивнул сам себе Серхей, проводя рукой по безупречно чистой столешнице. Альма явно знала свое дело — не было ни пылинки.

Из столовой было еще две двери. Первая вела в комнату с рукомойником и какой-то огромной лоханью посередине, которую девчонка называла «ванной». Другая же скрывала за собой кухню. Небольшая по сравнению с другими комнатами, она вмещала множество шкафов с посудой, небольшой столик с табуретами и печь. Подкинув дров, можно было одновременно и запекать в ней блюда, и готовить свеху. После Полевки этот дом казался настоящим дворцом из сказки.

Выйдя из владений Альмы через еще одну дверь, ребята оказались на заднем дворе. Здесь стояли аккуратно сложенные вязанки дров, сразу несколько бочек с водой. А еще — уютная беседка посередине и какой-то сбитый из досок сарайчик.

— А там этот... — девочка замялась, указывая на него пальцем.

— Что? — не понял парень.

— Ну... нужник... — смущенно хихикнула маленькая хозяйка. — Ну, если тебе понадобится... А потом вон из тех бочек с водой натаскай воду в ванну...

Смущенно хихикая, маленькая хозяйка оставила его. Серхей облегчился в деревянном сарае с дыркой в полу и быстро принялся выполнять поручение.

А в доме тем временем стало еще уютнее. С кухни поплыли удивительные ароматы.

Тонир спустился в ванную и разделся до исподнего. Он провел рукой над водой, и от нее пошел легкий пар. Потом налил в ванну какой-то ароматной настойки и медленно погрузился в воду. Таким расслабленным Серхей не видел его со времен Полевки.

— Потом и ты помоешься, — промурлыкал маг от удовольствия. — Я тебе нашел кой-какую одежду на первое время. Должна подойти. Возьми в гостиной.

На стуле висели зеленая рубаха и штаны. Почти новые. За такие в Полевке отдали бы полхозяйства.

Приняв ароматную ванну и переодевшись в чистое, Серхей вошел в столовую. Тонир в халате поверх одежды по-хозяйски потирал руки возле горящего очага, а Альма бегала туда-сюда, накрывая праздничный стол. Было крайне непривычно видеть мага в такой обстановке.

— Сегодня отдыхай, — не глядя на него, сонно проговорил Тонир. — А вот завтра начнется учеба.

— Альма... — замялся Серхей. — Твоя дочь?

— Нет. — Тонир едва заметно вздрогнул и протянул руки ближе к огню. — Ее родители были торговцами. Три года назад они исчезли вместе с караваном...

Альма вошла с кухни с блюдом в руках и с легким укором посмотрела на мага.

На столе перед каждым уже стояли глиняные горшочки с ароматным жарким, по центру — блюдо с уткой и яблоками, пирожки с грибами, маринованные овощи и свежий белый хлеб. Непонятно, когда девочка успела все это приготовить. Втроем они нажились на еду.

Тонир и Альма ловко орудовали вилкой и небольшим ножом. А вот Серхей так не умел. Поначалу он не мог решиться, а потом плюнул на все — у него есть вилка, ложка и пальцы. Даже еда здесь была совсем другой. То ли после утомительного путешествия с однообразной пищей, то ли сама по себе, но Серхею показалось, что никогда прежде он не ел так вкусно. Альма смотрела на него с легкой снисходительной улыбкой. А Тониру, как всегда, было до этого вообще все равно.

— И откуда ты такой взялся? — улыбнулась девочка.

— Иж Поевки... — с набитым ртом пробубнил Серхей.

— Да, манерам тебя еще учить и учить, — рассмеялась Альма.

— Ну вот ты этим и займешься, — Тонир наколот на вилку маринованный гриб.

— А чего сразу я? — с нее слетело все веселье.

— Зачем мне? — нахмурился парень.

— Если хочешь жить в городе — учись, — сказал Тонир, с удовольствием отправляя гриб в рот.

После ужина Серхей хотел помочь Альме.

— Иди отдыхай, еще напоешься, — устало проворчала девчонка, убирая тарелки.

Серхей поднялся к себе в комнату. Он стал разбирать свой мешок. Старый травник отправился на стол, фигурка древнего воина — на полку. На несколько секунд Серхей задержался, провел пальцами по фигурке. Он будто хотел не только глазами, но и на ощупь запомнить каждую линию. Из-за пояса он достал и положил под подушку кинжал.

Парень долго сидел на краю кровати. Он смотрел на свои руки. Чистые, пахнущие травами, но все еще помнившие деревенский труд. Он слушал, как за окном постепенно затихал вечерний город.

Глава 5

Сергей проснулся затемно. Город за стеной все еще молчал. Где-то гавкнула собака, тихонько скрипнула дверь. Произошедшее накануне казалось ему сном. Но мягкая постель, теплое покрывало и четкие очертания комнаты говорили об обратном. Снизу донесся негромкий звон.

Альма, вся в муке, уже хлопотала у печи.

— Уже отдохнул? — задорно спросила она у вошедшего Сергея, не отвлекаясь от готовки.

— Угу, — неловко выдавил из себя парень.

— Тогда помогай. Натаскай воду в умывальники да на кухню, — девочка деловито отдавала распоряжения. — И сам умойся хоть...

Пробурчав что-то себе под нос, Сергей вышел на задний двор. Холодная вода окончательно его разбудила. Нашлась в доме и другая работа: почистить овощи, развесить белье. Оказалось, пока он спал, Альма уже выстирала всю его одежду и одежду Тонира.

Когда окончательно рассвело, сверху спустился маг. Чистенький, опрятный, с аккуратно подстриженной тонкой бородкой и уложенными волосами, он выглядел почти аристократом. Сергей вновь почувствовал себя перед ним неловко.

— Мне надо подготовиться к нашим занятиям, — поздоровавшись, сразу перешел к делу Тонир. — А тебе надо подготовиться к жизни в столице. Сейчас с Альмой позавтракаете, и она тебя проводит к портному. Заодно покажет, что тут и как.

Альма внесла в столовую кувшин молока и свежие булочки. От них шел тот самый аромат, который Сергей вчера ловил у пекарен.

— Вот твои деньги, — Тонир достал из кармана мешочек. — Это за телегу и лошадь.

— Спасибо, у меня есть, — Сергей потупил глаза. — От отца осталось.

— Знаю, — спокойно кивнул маг. — Но это тоже твое по праву.

— Ну что, деревенщина, готов к большому миру? — весело подмигнула девчонка.

Быстро позавтракав, он помог Альме убрать со стола, и они вышли в город.

За стенами дома стоял гул. Шум людского потока вперемежку с запахом нечистот вновь обрушился на Сергея, стоило выйти на улицу.

— Держись ближе ко мне, — начала наставлять его девчонка. — И не зевай, а то быстро останешься без монет. Проходимцев разных хватает.

Альма знала каждый поворот, каждую лавку. Когда они проходили мимо, местные торговцы часто здоровались с ней.

— Нам надо на улицу ткачей, — деловито заявила она, протискиваясь сквозь толпу.

У одного из продавцов Сергей увидел кусок сыра, весь покрытый какой-то мерзкой плесенью.

— А чего это он испорченный продает? — не понял парень.

— Испорченный! — громко фыркнула Альма. — Да эта плесень стоит дороже половины твоей Полевки! Может, как-нибудь монет накопишь да попробуешь...

Они шли мимо шумных площадей, сворачивали в тихие узкие улицы и вновь вливались в океан прохожих. Сергей больше не ловил на себе брезгливых взглядов местных, как накануне. В одежде, которую дал Тонир, он перестал быть для них диковинкой из далекой деревни.

— Смотри! — Сергей остановился и показал Альме на гнома, стоящего у входа в оружейную мастерскую. Тот громко торговался с человеком, показывая ему нож чудесной работы. Ростом гном едва доходил до груди мужчины. Густая длинная борода была заплетена в косы с яркими бусинами и нитками.

— Тихо ты, не пялься, — прошипела Альма. — И убери свой палец, не тыкай.

— Первый раз вижу гнома, — подчиняясь девчонке, он сбавил голос.

— А он тебя. И что? — прыснула она, весело тряска каштановыми кудряшками.

Альма посмотрела на парня как-то странно — с жалостью и сочувствием — и увлекла дальше в толпу.

— Тонир говорит, они не всегда были такими, — очень тихо добавила девочка. — И больше не рассматривай их так открыто. Гномы как гномы. Тебе бы понравилось, если бы в тебя тыкали пальцем и рассматривали, как в балагане?

Мимо прошел какой-то пышно разодетый пацан лет десяти. За ним вприпрыжку шла пара престарелых слуг, сгибаясь под тяжелыми ношами.

— Принц какой? — Серхей опешил от такого.

— Почти, — Альма проводила глазами малолетку. — Сын одного богатого торговца...

Вдруг один из слуг выронил сверток. Он кинулся на колени, чтобы его поднять. В этот момент палка маленького богатея стала хлестать его по плечам, спине и голове.

— Идиот! Скотина! — разорался он тоненьким детским голоском.

— Надо помочь! — Серхей уже было ринулся, но рука Альмы остановила его.

— Ты что, дурак? — девочка смотрела прямо ему в глаза. — Они за это деньги получают! Дома папаша отсыплет им по серебряному за каждый синяк...

— А разве так можно? — изумился парень.

— Можно. Если денег полные закрома. Тогда тебе все можно...

Проходящие мимо люди бросали взоры на эту сцену. Одни — с безразличием, другие — с любопытством. У некоторых в глазах читалось презрение. Стражники в доспехах отвесили поклон наглому ребенку. Тот даже не удостоил их ответа и продолжал наносить удары.

— Это ж сколько денег у его папашы... — вслух выдал свои мысли Серхей.

— Столько, что он сам себе закон, — поморщила нос Альма. — Говорят, он с местными ворами какие-то дела имеет. И продает разное... Такое, что нельзя...

— И что, стража не задержит его? — парень покачал головой.

— Ну, это еще доказать надо. Да и большое начальство само кушать хочет. А эти, — девочка кивнула на слуг, — сами себе такую жизнь выбрали — пресмыкаться за деньги...

Они свернули за угол. Некоторое время ребята шли молча. Серхей все еще видел перед глазами избалованного ребенка, избивавшего старика. За такое в Полевке бы... даже неизвестно, что бы сделали.

Теперь они вышли на широкую улицу. Несмотря на это, людей здесь было еще больше. Посреди дороги надрывался оборванный нищий. Он тряс спутанными волосами и кричал охрипшим голосом:

— Люди! Мир катится к концу! Новый Гнев уже близок! Спасите себя! Умерьте гордыню, поклонитесь Богам!

Серхею стало не по себе от его слов.

— Кто это?

— Сумасшедший проповедник, — пожала плечами Альма. — Их тут много. Иди, давай.

Парень пытался переварить в голове увиденное. Каменный город... гномы... безумцы... Все было не так, как в книгах, рассказах отца и соседей. И Тонир. В Полевке и во время путешествия он был загадочным, немного чудаковатым, но в то же время простым. Запросто ел деревенскую пищу, носил свою залатанную одежду, спал посреди поля. Но теперь, увидев его дом, столицу и окружение, Серхей осознал, что знает чародея совсем не так хорошо, как ему казалось.

— Альма, а что ты знаешь о Тонире? — осторожно спросил Серхей.

Девчонка не сразу ответила. Только косо посмотрела из-под своих кудряшек и продолжила идти, едва замедлив шаг.

— Меньше, чем ты думаешь, — наконец сказала она. — Когда я осталась без родителей, он просто пришел и сказал: «Пойдем». И я пошла.

Альма поджала губы.

— Он меня никогда не обижает... И этот дом... Он говорит, что это и мой дом...

— И часто у него бывают ученики? — решил сменить тяжелую для девчонки тему Серхей.

— С тех пор, как я живу с Тониром, ты — первый...

Ее слова прервали крики.

— Дорогу! Дорогу! Всем разойтись!

Альма потянула Серхея к стене, и они оба прижались к ней. Людское море стало расступаться, отходя от центра дороги.

Вначале проехала стража в идеально начищенных доспехах. Они смотрели прямо перед собой с каменными лицами. А следом на белоснежном коне ехал он. Среди прохожих прокатился тихий шепот: «Герцог!». Толпа притихла. Некоторые даже сняли шапки.

Это был мужчина лет пятидесяти. Бедная лошадь едва несла его скупающую, одетую во все пышное тушу. Круглое оплывшее лицо с коротко подстриженными волосами не вызывало восхищения или чего-то подобного. Но в нем чувствовалось превосходство, которое давило на все вокруг. Взгляд безразлично скользил по людям, не задерживаясь ни на ком. Длинный голубой плащ с изображением волка аккуратно спускался с его плеч на круп лошади.

Замыкала процессию пешая стража. Все это заняло меньше минуты, и процессия скрылась за поворотом. Улица снова пришла в движение.

— Он... — начал Серхей, но не смог подобрать слова.

— Немного страшный, — Альма отряхивала платье, которое слегка испачкалось о стену. — Тут все живут по его правилам.

Дальше девочка повела его вдоль пекарен, где запах свежего хлеба смешивался с ароматами специй из соседних лавок. Вскоре ребята пришли на улицу ткачей. Здесь было не таклюдно. Возле лавок стояли шикарно одетые манекены.

Покупка новой одежды очень утомила Серхея. Альма заставляла его примерять то одно, то другое, придиричиво разглядывая. Мастера предлагали сшить одежду на заказ, но девочка отвергала эти предложения. Приходилось выбирать из того, что уже было готово.

— Тебе сейчас надо в чем-то ходить... — Альма деловито рассматривала одну за другой развешенные рубашки. — Потом тебя как-нибудь отведу к своей портнихе. Она из тебя сделает человека...

Серхей глянул на платице Альмы. Он только сейчас заметил, насколько аккуратно оно было сшито. Ни одной торчащей нитки, ровные стежки, тонкая ткань. В Полевке такую работу никто бы не сделал.

Потом был поход к сапожникам. Здесь ужасно пахло кожей. Наконец новые блестящие кожаные ботинки, светлая рубашка и темно-синие брюки удовлетворили вкус Альмы.

А вот Серхей был не очень доволен. Рубаха и штаны были ему тесноватыми. Он не понимал, как в этой одежде будет работать. Ему казалось, что стоит нагнуться или поднять что-то тяжелое — и она лопнет по швам. Длинные рукава могли мешать работе, а ботинки блестели так, что их жалко было надевать. Но все же он подчинился Альме и расплатился с ткачихой и сапожником. Неожиданно для него цена оказалась очень высокой. В кошельке оставался десяток серебряных монет, не считая медяков. «Прости, папа. Вот так вот сын все растранирил...»

Посмотрев в большое зеркало, он сам себя не узнал.

— Ну вот, — оценивающе оглядела его девчонка. — Причесать, отчистить зубы, и можно подружкам показывать...

— Нужны они мне... — буркнул парень. Настроения как-то особо не было.

— А ты что, думаешь, они не узнают, что у нас в доме появился новый жилец? — хмыкнула Альма. — В нашей столице нет ничего тайного...

— Не нравится мне этот пояс, — парень вытер нос рукавом. — Тяжелый какой-то и хлипкий...

— Главное — красивый, — усмехнулась девочка. — Здесь для всех главное — блеск... И перестань новой рубашкой вытирать свои сопли! Потом не отстирать будет...

Время шло к обеду. На выходе с улицы Серхей углядел лоток со сладостями. Он уловил заинтересованный взгляд Альмы и пошел к нему.

— Это что такое? — спросил он у толстой румяной торговки.

— Орехи в меду на палочке, — по-доброму улыбнулась лоточница во все свое круглое лицо.

— Дайте одну палочку, — Серхей полез за монетами.

— С вас одна серебряная, — по-прежнему улыбалась тетка.

— Тогда дайте еще одну, — парень протянул ей две монеты.

— Ты меня удивляешь, — глаза Альмы лукаво блеснули, когда она принимала угощение. — Спасибо.

Серхей попробовал сладость и понял, почему она стояла так дорого. Он не мог ни с чем ее сравнить. Это было невероятно вкусно, ароматно и сладко.

Весело болтая, они пошли домой. Мимо них пробежали дети. Женщина бранилась со своим мужем. Две кумушки сплетничали о чем-то и громко смеялись. И тут, глядя на прохожих, Серхей осознал: все эти люди в городе не были другими. Они не были плохими или хорошими. Они были такими же, как и все. Просто здесь каждый был занят своим делом и спешил куда-то.

Альма, казалось, немного оттаяла по отношению к парню. Она не была похожа на девочек из Полевки. Нет, там тоже были бойкие на язык, красивые и работающие. Но Альма была другой. Особенной.

Серхей улыбался. Теперь он знал: в этом огромном городе у него появился друг, которому можно что-то спросить, у которого можно что-то разузнать. Тот, кому можно что-то рассказать или с кем посоветоваться.

Когда ребята пришли домой, Тонир, не теряя времени, сразу отвел Серхея в подвал. Они спустились по узкой каменной лестнице. Здесь пахло сыростью, книгами и чем-то непонятным — чуть сладковатым, чуть резким и весьма неприятным. У входа гостей встречал настоящий человеческий скелет, который заставил Серхея поежиться.

— Тут, в основном, моя лаборатория, — маг указал на дверь, закрытую на несколько увесистых замков. — Туда не входить. Никогда!

Серхей кивнул.

— А вот тут, — маг махнул рукой на соседнюю дверь, — я нашел тебе комнату. Будешь заниматься в ней с травами и отварами. У тебя неплохо выходит. Нельзя это дело забрасывать.

Комната была маленькой и уютной. В ней расположился небольшой стол, по стенам тянулись полки, высоко под потолком светилося маленькое окно, через которое пробивался тусклый свет. На полу стояло несколько десятков пустых бутылочек. У стены стояли шкаф и небольшая печка.

— Обставишь тут все как захочешь, — Тонир почесал затылок. — Тут тебе виднее, как оно должно быть. Чего еще понадобится — скажешь. Я дам денег, и вы с Альмой сходите и купите.

С этого дня началась учеба.

После ужина Серхей хотел помочь девочке, но Тонир его остановил.

— Хватит уже помогать Альме, — маг жестом пригласил Серхея в гостиную. — А то мне уже начинает казаться, что ты не мой, а ее ученик. Ты тут не для того, чтоб посуду мыть и пыль вытирать.

Он выложил перед парнем две большие книги в черных переплетах. Парень открыл первую. Страницы в ней сияли ослепительной белизной. То же самое было и во второй.

— Это тебе для начала, — маг провел рукой по корешкам. — В одну будешь записывать то, что может пригодиться в знахарстве. Твоей семейной реликвией наука врачевания не заканчивается.

— А во вторую?

— А во вторую выписывать то, что пригодится тебе в дальнейшем, — загадочно ответил Тонир. — Придет время — сам поймешь, что туда записать. Ну да хватит о писанине, успеется. Начнем мы с другого. Сядь и попробуй сдвинуть вот этот стакан с места. Но только не руками, а головой.

На столе перед ними находилась прозрачная стеклянная посуда.

— Как это? — не понял Серхей.

— Ну вот так, — Тонир даже не прикоснулся к посуде. Он посмотрел на нее, и та плавно двинулась по полированному столу к Серхею.

— Я так не смогу, — испуганно прошептал парень.

— Ну вот мы и посмотрим, сможешь ты или нет, — в глазах Тонира заплясали искорки любопытства. — Есть ли в тебе магия... Просто надо очень захотеть и представить, что из этого получится.

Серхей с полчаса пытался сдвинуть стакан. Он хмурил брови, задерживал дыхание, сжимал до боли пальцы под столом. Он представлял, что стакан опутан какими-то невидимыми нитями, и старался за них потянуть. Но стекляшка даже не дрогнула.

И жалко было такую красоту: а вдруг получится слишком сильно, и посуда разобьется? Да и как такое вообще изготавливали? Нет, в деревне тоже были стекла. Но не такие ровные, совсем прозрачные. Сколько ж эта красота стоит? Нет уж, пусть лучше не двигается. А то потом разобьется — всей Полевкой его не оплатишь.

Тонир спокойно наблюдал за этим из своего глубокого кресла, нервно тарабанив пальцем по бедру. Время от времени он давал свои советы:

— Расслабься... Просто представь... Давай...

Все равно ничего не получилось. Совсем ничего.

— Это не страшно... ничего... — словно сам себя успокаивал маг. — С первого раза ни у кого не получается...

Так они просидели около часа. Потом маг будто устал смотреть на тарашившегося на посуду Серхея, поднял руку, и стакан аккуратно прилетел к нему. Следом с полки в дальнем углу комнаты сама собой прилетел старый толстый фолиант и мягко лег на стол перед учеником.

— Ладно. Пока займемся языком, — Тонир кривовато усмехнулся. — Ты уже умеешь читать и писать. Но только на нашем языке. Если хочешь учиться и дальше, придется выучить Изначальный.

— Изначальный? — парень с тоской посмотрел на книгу, которая была в несколько раз больше семейного травника.

— Да. Языком, на котором говорили и писали до Гнева, — глаза Тонира вновь заискрились озорными огоньками. — В начале этой книги — алфавит древних. Садись, бери бумагу и перепиши его пятьдесят раз.

— Пятьдесят? — Серхей уставился на раскрытые перед ним листы фолианта, словно маг заставил его переписать целиком.

— Да, — спокойно кивнул маг. — Через пару часов покажешь мне. Если до сна не успеешь — то утром.

— Я-то перепишу, — парень застеснялся своей наглости. — А бумагу-то не жалко?

— Не твоя забота, — махнул рукой Тонир. — Учеба никогда не обходится дешево...

Глава 6

Жизнь в доме Тонира медленно потекла своим чередом. К началу лета Серхей уже освоил древний алфавит. Он каждый вечер, скрипя пером, выписывал в книгу незнакомые слова, с трудом отыскивая их значение в рукописном словаре мага. А волшебник каждый день давал ему все новые и новые тексты, которые надо было переписывать и переводить.

Иногда учитель, будто специально, подкладывал мальчишке особо сложные задания. А потом сидел в кресле, пил чай из своей огромной кружки и с едва заметной ухмылкой наблюдал, как тот долго сидит над одной строчкой и пытается распутать хитросплетение букв.

Вместе с этим Тонир забрасывал Серхея и толстенными книгами по истории. В них подробно рассказывалось о том, как строились города, возникали и гибли королевства, кто и где правил. Но вот о том, что было до Гнева, в них не было ни слова. В летописях рассказ начинался с того, что раньше люди были слишком жестокими, погрязли в роскоши, вседозволенности и возгордились. И тогда Боги прогневались. Выжили лишь праведники. Но и на них посыпались испытания. Боги создали гномов, живущих в горах, гоблинов, облюбовавших леса и троллей — чудовищ с невероятной силой. Все это было карой за грехи предков. Но чем больше Серхей читал, тем больше ему казалось, что в этих сухих рассказах не хватает чего-то самого важного. Что-то было не так. Летописцы о чем-то не договаривали.

А вот магия никак не давалась. По вечерам Серхей под присмотром Тонира сначала пялился на стакан. Через несколько дней Тонир как-то странно посмотрел на парня, убрал со стола стеклянную посуду и, порывшись в кладовке, поставил на стол деревянный шар.

Парень напрягался до головной боли, но ничего не происходило. Вокруг исчезала комната. Стол, кресла, книжные полки, наслаждающийся зрелищем Тонир и его язвительный голос. В глазах круглая деревяшка раздваивалась и подергивалась каким-то туманом. Серхей пытался влить в нее все свои силы до последней капли. Но шар все так же лежал на столе. Для себя мальчик уже все понял — в нем нет ни капли магии. Интересно, через сколько это дойдет и до учителя? Что он сделает после этого? Прогонит на улицу? Ну и ничего, вернусь к себе в деревню...

Бывало, маг, будто специально, после занятия зажигал щелчком свечу или перелистывал взглядом страницы книг. И тогда Серхей был готов провалиться от стыда. Парень в такие моменты ощущал всю свою ничтожность и беспомощность перед его величием.

Но Тонир не сдавался. Он поджимал губы, хмурился, что-то записывал в свою книжку и черкал, а потом одобрительно трепал по голове Серхея, выдавая фразы:

— Не страшно... Завтра попробуем по-другому...

А еще наставник поощрял занятия парня по знахарству. Из новых книг, словно купленных специально для него, Серхей за несколько месяцев узнал о врачевании больше, чем за всю свою жизнь в Полевке. В доме были и пособия по тому, как устроено человеческое тело. А когда в окрестностях заколосились травы, наставник разрешил парню выходить недалеко от города и собирать их, сушить и заготавливать впрок. С одним условием — из города выходить только с Альмой.

Эти моменты были самыми радостными для мальчика. По утрам, еще до жары, они ходили по холмам и полям, собирая в мешки ягоды, корни и разную зелень. Серхея ужасно забавляло, как девчонка прищуривалась, глядя на траву, а потом с победоносным видом выдергивала какой-нибудь корешок и бережно клала в корзину. Иногда, пока искали очередное «копыто лешего», они ложились в густую траву и, наблюдая за облаками, просто болтали. Изредка, тайком от Тонира, ребята шли на реку и купались вместе с другими детьми. Возле Полевки реки не было, и Альма учила Серхея плавать по-собачьи, хохоча над его неуклюжими попытками.

Тем временем маг часто ходил по городу, смотрел на товары, привезенные торговцами из самых разных мест. Он по случаю покупал у них книги и ржавые древние мелочи, от которых продавцы сами были рады избавиться.

— Опять хлам приволок, — глядя на очередную грудку старья на столе, ворчала Альма. — Дрянь какая-то...

— Для кого хлам, — перебирая их, отвечал Тонир, — а для кого — история.

Но большую часть времени маг проводил в своей лаборатории. Временами в ней что-то громко булькало, шипело и взрывалось. Летящую при этом пыль Альма, ворча, исправно убирала. Тонир все это игнорировал, оставляя за собой на полу следы сажи — к еще большему недовольству девочки.

А еще Тонир работал. По несколько раз в день к нему приходили богато разодетые слуги господ, и он шел за ними. Кому-то нужна была консультация, кому-то — открыть замок, не поломав при этом ни его, ни ключ, а кого-то надо было лечить. Серхей уже знал, что в городе маг пользовался славой отличного лекаря, способного творить чудеса. И если сила отца была в знаниях и умелом врачевании травами, то лечение чародея было иным. Он прекрасно вправлял вывихи, мог собрать поломанную ногу или руку, снять боль без каких-либо надрезов, лишь сделав пасы руками. Теперь Серхей догадался, почему маг так внимательно штудировал старый травник отца. Тонир пополнял свои знания.

Иногда из таких походов к больным он возвращался раздраженный. Но чаще всего — с очередными книгами или корзинами продуктов. А иногда и, к ужасу Альмы, со всякими старинными вещами.

Вскоре после таких случаев он стал брать с собой Серхея. Парень впервые увидел, как маг одним движением руки вправил вывернутую ногу, а за несколько минут взглядом снял жар. А потом Тонир стал доверять ему под своим присмотром давать больным травы и отвары. При этом полученные деньги в таких случаях он оставлял мальчику.

Перед сном Серхей пересчитывал накопленные серебряные кругляши, с одной стороны которых красовалась толстая рожа герцога, а с другой — гордый и свирепый волк. Потом он клал монеты обратно в свой мешочек и запирал его в шкафу. На те деньги, что он заработал за несколько месяцев, вся Полевка могла бы целый год ничего не делать и уйти в беспросветный кутеж.

Часть заработанного он отдавал Альме на хозяйство или сам покупал к ужину какие-нибудь деликатесы. А в Вольфсдаме было из чего выбрать: сладкие фрукты в меду, диковинные орехи, пирожки с ягненком и изюмом. Тонир говорил, что этого не нужно делать, но парень крайне не хотел быть обузой. Ему и без того было неловко. Серхей уже понял: если у тебя в кармане звенит профиль герцога, то позволить себе можно все что угодно. Вопрос только в количестве серебряных кругляшек и твоих желаниях.

С приходом темноты, когда Тонир уходил к себе в спальню, они с Альмой часто сидели в комнате у Серхея или уходили под звезды в беседку на заднем дворе. Здесь они пили прохладный компот и просто болтали обо всем. Альма любила рассказывать самые разные городские сплетни. Часто она трещала без умолку, но эти вечера стали самой настоящей отдушиной для парня.

А еще Альма старалась поддержать Серхея в его бесплодных магических попытках:

— Может, так оно и лучше. Не всем же быть магами. Ты не обязан уметь все. Зато из тебя получится хороший лекарь.

В один из поздних жарких вечеров Серхей переписывал в гостинной очередной текст про еще одного короля, который отличался своей прожорливостью. По комнате витала причудливая смесь запахов ужина, старых книг, экспериментов мага и сохнувших трав. Рядом, в кресле, уютно расположился Тонир, а Альма уже пошла отдыхать в свою комнату. Учитель лакомился какой-то очень модной в столице диковинкой — арбузом. Эту новинку сегодня достала дев-

чонка на взятые у Серхея деньги. После ужина ребята с удовольствием угостились вкусным плодом. А вот маг взял блюдо с ним в гостиную — на «часы раздумий», как он их называл. Он ел его с таким важным видом, будто размышлял о судьбе мира, а не выплевывал косточки в блюдо.

Внезапно в дверь застучали. Тонир что-то пробурчал, не отрываясь от арбуза. А вот Серхей был только рад хоть на мгновение прервать зубрежку.

— Там... — на пороге стоял запыхавшийся мальчуган. — Отец за вами послал... Мамке плохо...

Серхей быстро взял сумку, всегда теперь стоявшую в прихожей наготове. Продолжая ворчать, маг помыл в тазу руки, взял свой посох, и они отправились за мальцом. Людей почти не было. Темные улицы освещала только луна. Серхей уже сбился со счета количества поворотов, которые они совершили, увлекаемые во тьму ребенком.

Через какое-то время они вошли в не самый чистый район города. Прямо перед ними в темный угол рванула крыса, оторвавшись от вонючей кучки мусора. Где-то вдалеке пьяная компания затянула веселую песню. Лаяли собаки. Но чем дальше они углублялись в глубины города, вокруг становилось тише.

Наконец они прибыли на место. Перед не самым богатым домом нервно курил самокрутку мужичок в опрятной темно-синей рубашке. Он ерошил себе короткие волосы и поглаживал свою косматую бороду, будто не мог найти себе места.

— Мастер Тонир, помоги, — завидев приближающихся, кинулся он к ним. — На тебя надежда... Я любые деньги дам... Все, что есть...

Хозяин робко отворил перед ними дверь, но сам в дом не вошел. Видно, совсем изнервничавшийся мужчина уже не мог там находиться и хотел надышаться ночной прохладой. Внутри стоял запах крови, ладана и трав. За полуотдернутой занавеской в нише слабо стонала уже обессиленная женщина. Мокрые спутанные волосы были разбросаны по ее лицу. Рядом что-то шептала бабка-повитуха.

На полу были разбросаны окровавленные тряпки, а рядом застыл грязный перевернутый таз.

— Она со вчерашней ночи никак разродиться не может... — быстро кинула бабка вошедшим. — Я уже и так и эдак ей помогала. В бане распаривали, окуривали, заговоры читали...

Но Тонир будто не слышал ничего вокруг. Он замер на входе и не шевелился, глядя на роженицу. Свет, отражавшийся на его лице, делал его мертвенно-бледным. Пальцы крепко сжимали посох. Камни в голове быка ярко отражали свет очага. В глазах мага читался испуг. Таким его Серхей еще не видел.

— Чего делать-то? — в голосе бабки звучали отголоски паники.

Женщина на лежанке мотнула головой и громко застонала.

Тонир продолжал стоять. Время шло.

Серхею стало не по себе не только от спертого смрада, стоявшего в комнате, а от того, что Тонир растерялся. Значит, дело было совсем плохо.

— Сейчас найду, — Серхей сбросил с плеч сумку. — Ставьте пока воду кипятить.

Серхей принялся перебирать травы, стараясь вспомнить все, что успел уже узнать. Пальцы путались среди бесконечных мешочков, сушеных пучков и бутылочек. Он кинул взгляд на наставника, по-прежнему застывшего у двери. Повитуха уже суежилась с котелками возле огня. Наконец он выбрал один из пучков. Пижма должна была усилить схватки.

— Быстро завари, — сунул он бабке сухие желтые цветки.

Крик роженицы будто разорвал воздух в комнате. Ее скрюченные пальцы царапали доску, на которой она лежала. Повитуха наконец приготовила отвар и дала его страдающей женщине. Через небольшое время женщина из последних сил с криком поднатужилась, и появился ребен-

нок. На секунду парнем овладело чувство триумфа — получилось! Но тело несчастной вдруг выгнулось дугой, а потом она потеряла сознание.

Сергей метнулся к сумке. Нужны травы. Другие травы. От крови... От слабости... Хоть что-то... Но было поздно. В наступившей тишине только трещали дрова. Повитуха руками сделала жест против нечистого и отошла от безжизненного тела с ребенком в руках.

Раздался другой звук. Тонкий, слабый писк, который быстро перешел в сипение.

— Пуговина... — прошептала с ужасом повитуха.

Она бестолково теребила канат, которым была обвязана шея младенца. Ребенок уже синел и судорожно дергал крошечными ручками. Сергей в оцепенении стал перебирать руками травы. Только что на его глазах умерла женщина. Теперь та же участь ждала и новорожденного. В голове было пусто. Ему показалось, что он ничего не помнит. В ушах гудело.

— Отойди! — громкий рык Тонира повитухе взорвал воздух.

Маг уже шел к лежанке. Его взгляд был ясным и холодным, как зимнее небо. Страх в голове у Сергея резко исчез. Тонир быстро забрал у нее из рук ребенка, и бабка шарахнулась в сторону. Он не стал долго возиться. Просто провел рукой, и пуговину на шее будто разрезали тонкими невидимыми лезвиями. А потом Тонир точным легким движением ударил по спинке младенца, и тот заплакал. Комнату огласил его яркий радостный крик. Крик новой жизни, родившейся в этом грязном доме.

Тонир молча передал новорожденного повитухе и шагнул к выходу. За ним поспешил и Сергей, на ходу застегивая свою сумку. Прямо на входе они столкнулись с мужичком, влетающим в дом. Тот сразу увидел мертвую жену и младенца на руках у бабки.

— Спасибо... — растерянно забормотал он. — Мастер, сколько я должен...

Тонир просто вышел в дверь. За ним несколько сумбурно проскочил и Сергей. За их спинами раздался мужской плач. Маг и его ученик, не сговариваясь, прибавили шаг.

Обратно они шли молча. Улицы и дома отдавали ночи весь скопившийся за день жар. Где-то хлопали дверьми, слышались голоса пьяных, лаяли собаки. Но все это не могло пробиться сквозь пережитый Сергеем ужас. В ушах стояли стоны умирающей роженицы. Ее лицо со спутанными мокрыми волосами неотступно стояло у парня перед глазами. Неужели и его мать так же умерла? И отец так же, как и он сейчас, не смог ее спасти? Родного и близкого человека? Как же он это смог пережить? Может быть, отец совершил ту же ошибку, что и он сегодня?

Альма уже спала. Или только делала вид, что спала, у себя в комнате. Зная о ее чрезмерном любопытстве, парень ничуть не удивился бы этому.

Тонир устало вскипятил одной рукой воду в чайнике и заварил себе и ученику чай. Сергей даже не притронулся к кружке. Он отупело смотрел на свои руки, на чистый полированный стол гостиной, на стеллажи с книгами. Где-то там, в одной из них, могло прятаться решение, которое сегодня спасло бы женщине жизнь. Но в какой? Читал ли он об этом и забыл по невнимательности? Или просто еще не дошел? А может, в этих книгах не было нужного рецепта? Боги, неужели я такой дурак и бездарь! Как же я буду дальше лечить людей? Сколько их еще погибнет по моей вине?

— Ты выбрал не ту траву, — тяжело опустился в свое кресло маг.

— Но... я читал... — понуро полусшептал Сергей. — Пижма должна была усилить схватки...

— Так и произошло, — кивнул Тонир. — Но ты сделал слишком крепкий отвар для нее. Она сутки не могла разродиться. У женщины почти не осталось сил. Отвар добил ее сердце. Но зато ты спас ребенка. Сделай об этом пометку у себя в книге: «нельзя давать пижму при слабом сердце».

— И даже ты не смог бы ей помочь?

— Однажды уже пытался... — выдохнул маг, неподвижно глядя на стол. — Ничего хорошего из этого не вышло. А воскрешать из мертвых я пока еще не научился... Так что твоей вины нет.

— Как это нет? — Серхей стал закипать. — Человек умер. Из-за меня...

— Иногда так бывает, — Тонир продолжал смотреть куда-то в одну точку с тоской. — Нельзя помочь всем. И ты ничего не можешь с этим сделать. Можешь только запомнить сегодняшний день. Запомнить цену ошибки. Это все останется с тобой навсегда. Просто надо пережить...

Учитель встал и устало оперся о книжные полки двумя руками.

— Ты не можешь помочь каждому. И это правда. Но знания — могут. Тот, кто изобрел настойку от жара, спас не одну, а тысячи жизней. Вот куда надо расти... Бывает, ценой жизни других людей мы узнаем что-то новое. То, что подарит жизнь сотням или тысячам других.

Он ласково провел рукой по корешкам книг. Так, будто это были величайшие сокровища в его жизни.

— Древние знали... Они могли... А мы позабыли...

Тонир повернулся и посмотрел прямо в глаза Серхею. Его взгляд пылал каким-то ярим безумием.

— Ошибки лекарей стоят жизней. А от ошибок магов исчезают города.

Глава 7

— Все, хватит. Так дело не пойдет, — глубоко вздохнул Тонир, захлопывая раскрытую перед Серхеем книгу. — Это только трата бумаги.

Парень молчал. Впрочем, так он реагировал на все в последние дни. Серхей пропускал мимо ушей подколки Альмы, которая поначалу пыталась его так расшевелить. Ученик просто смотрел в пол или перед собой, когда маг отпускал едкие комментарии по поводу учебы. Из него будто вынули душу.

Даже старый деревянный шарик теперь пылился на краю стола. Попытки обучения магии были заброшены еще пару дней назад, когда Тонир увидел, что ученик совсем не способен сконцентрироваться.

— Отдыхай, — в голосе мага на мгновение мелькнуло сочувствие, сразу же сменившееся его обычным учительским тоном. — Все равно толку никакого...

Недовольной резкой походкой Тонир пошел к себе в подвал — что-то взрывать и поджигать. В последнее время эти звуки часто наполняли дом, словно учитель вымещал все свое раздражение на экспериментах. Снизу сразу раздался громкий хлопок, а за ним что-то начало неприятно шипеть. Наверх потянуло каким-то едким запахом.

Будто услышав, что занятие окончилось, в комнату бесшумно вошла Альма и села возле Серхея, поставив перед ним тарелку.

— Я приготовила пирожки с грибами, — тихонько начала она. — Как ты любишь...

Серхей смотрел куда-то в одну точку. Альма тоже молчала. Она не знала, что сказать. Это все Тонир с его учебой — рано было допускать Серхея к таким больным.

— Может, хоть поешь? — с робкой надеждой спросила девчонка.

Серхей мотнул головой. Тишина вновь сгустилась в доме. За окном грустно скрипнула телега, где-то залаяли собаки, а снизу раздался еще один громкий хлопок. Альма тяжело вздохнула, уже мысленно готовясь снова выводить с полов сажу.

— Мне вчера на рынке рассказали такую интересную историю. Наш сосед, тот, который держит богатую лавку с коврами, подхватил срамную хворь. У него в доме вышел такой скандал! Оказалось, та же болезнь поразила и его молодую жену, и его красавца-племянника, — Альма захихикала. — А сам торговец говорит, что по блудным девкам не ходил...

Серхей слегка усмехнулся. Увидев это, Альма взяла пирожок, откусила и затараторила еще быстрее.

— Или вот еще. В квартале бедняков, говорят, какие-то проходимцы нашли вход под город. А там — куча сокровищ. Только они собрались забирать все с собой, как тут вылезла крыса размером с медведя. Глазища красные, сверкают. Порвала она всех «счастливчиков». А один дурачок поверил рассказам, купил крысиного яду и теперь таскает его с собой, разбрасывает во все глубокие дыры кусками размером с головку сыра. Стража смеется, но не мешает — пусть, мол, проредит крыс в городе за свой счет...

— А кто рассказал про крысу? — Серхей продолжал смотреть в стол.

— Так люди, — удивилась вопросу Альма.

— Так она же их всех порвала, — заметил мальчик.

— Откуда я знаю... Люди так говорят, — недовольно заворчала Альма. — А еще в город приехал балаган. Там шуты смешные, медведь ручной и уродцы всякие. Может, сходим?

Серхей кивнул. Но вышло это у него так, будто он ответил девочке, даже не расслышав ее вопроса.

Альма тяжело вздохнула и, радуясь, что хоть немного оживила обстановку, пошла на задний двор убирать высушенные травы. С той трагической ночи парень совсем утратил к ним

интерес. Это было только внешне. На самом же деле он хотел бежать от них. Они приводили его в шок и трепет.

Раздался резкий стук в дверь. Сергей резко очнулся. В его глазах читалась паника. Словно во сне он подошел к дверям и трясущимися руками не сразу открыл замок.

— Мне нужен мастер Тонир, — вежливо склонил голову молодой мужчина.

— Кто там еще? — маг уже поднимался по лестнице.

— Мастер Тонир, хозяйка послала меня за вами, — вновь склонил голову слуга. — Ей совсем плохо. Третьего дня простыла, кашляет теперь так, что картины со стен в спальне падают.

Тонир окинул посыльного внимательным взглядом.

— Собирайся, — кинул маг ученику.

— Нет, — голос Сергея впервые с того дня зазвучал жестко. Казалось, это слово вырвалось из него само. Какое-то хриплое, чужое.

Тонир удивленно остановился и посмотрел на него с изумлением. Несколько мгновений он молчал, будто что-то хотел сказать, а затем пожал плечами, перекинул через плечо сумку, взял в руки посох и ушел вслед за посыльным. Дверь сама собой тихо закрылась за ними.

Сергей сам понимал, что с собой надо что-то делать. Но только что? Остаться в доме один на один с Альмой, которая наверняка снова попытается его как-то расшевелить, совсем не хотелось. Он открыл дверь и вышел в город.

В нос ударила смесь пота, дерьма и еды. И Сергей неожиданно этому обрадовался. Тяжелый воздух того небольшого дома — ладана, трав, крови и смерти — преследовал его постоянно. Поначалу он думал, что дело в пропахшей одежде. Но нет. Этот запах впитался ему в волосы, кожу, ногти. Он шагал за ним повсюду. Здесь, в городе, этот аромат страха ненадолго отпустил его.

На улицах кипела обычная жизнь. Торговцы орали на озорничающих мальчишек, прохожие толкали друг друга, а какой-то пьяный забулдыга что есть силы выворачивал содержимое своего желудка прямо на стену дома. Толстые черные мухи облепили труп кошки. Смерть еще одной простой женщины ничего не значила для этого мира.

Сергей не знал, куда пойти. Он просто плыл по течению толпы, надеясь, что куда-нибудь она его да выведет. Мелькали дома, лица. Все это сливалось для него в одно серое целое.

И тут прямо перед ним выросла фигура женщины с младенцем на руках. Она шла ему навстречу, заботливо поправляя сверток. Парню захотелось куда-то свернуть, только бы не видеть их. Но стены домов стояли плотными рядами, не оставляя даже малейшей щелочки. Он отошел к стене и прикрыл глаза. Когда снова открыл их, женщины с ребенком уже нигде не было. Страх немного отступил.

Стоило отойти от стены, как поток людей подхватил его снова и понес куда-то вперед. Через пару кварталов показалась храмовая площадь.

«Неужели это и есть ответ?» — удивился про себя Сергей, обнаружив себя уже идущим по ступеням к массивным дверям собора. Он кинул пару монет в миску юродивому нищему.

— Ты еще можешь спастись! — припадочно заорал он, трясая засаленными вшивыми волосами. — Новый Гнев близок! Успей спастись!

Этот вопль заставил проходящих мимо отпрыгнуть в сторону. Некоторые даже сделали жест руками во славу Богов. Парню как-то стало неловко из-за своих проблем. Он тут страдает, а мир погружается в Гнев! Да нет, ерунда. Богам не на что злиться теперь на людей. К алтарям исправно несут жертвы, строятся новые храмы. Люди почитают их. Пусть и не от души, но все же. А еще боятся.

Дубовые двери тяжело открылись, и Сергей вошел внутрь. Каждый шаг отдавался звонким эхом под сводами пустого храма. Запах ладана вновь напомнил парню о его боли.

Все стены были мастерски расписаны ликами героев и Богов. Фрески поражали тонкостью исполнения. Создавалось впечатление, что нарисованные герои вот-вот начнут двигаться. Они будто смотрели прямо на растерявшегося Серхея. У одних был строгий взгляд, заставлявший сердце замереть, а другие ему дружелюбно улыбались.

На одной из сцен мальчик сразу узнал Эланда. Весь в сияющих золотых доспехах, он сражался с тьмой. За ней шла другая, на которой герой уже восседал на троне, окруженный красотой и богато одетыми довольными людьми. Они все стояли перед ним на коленях. Сергей с невольной улыбкой вспомнил рассказы об этом герое, которые он любил читать в Полевке. А потом — рассказ о нем Тонира.

А дальше был Гнев... С неба шел огненный дождь. Пылали города и деревни. Рушились башни, падали мертвые птицы. Пытаясь укрыться, люди метались, но нигде не могли найти спасения. А сверху на все это грозно взирали Боги. Молодые, с мечами и копьями в руках, старые, убежденные длинными сединами. Стало как-то не по себе. Художник, изобразивший это, был большим мастером. Сколько во всей этой сцене было правды, а сколько — фантазии творца?

У входа на столе лежали восковые свечи. Опустив серебряный кругляш в коробку для пожертвований, Сергей взял одну из них. Долго выбирал, к алтарю какого Бога поставить свечу. Наконец он увидел образ женщины, скорбно смотрящей на него. Рядом на фреске эта же Богиня исцеляла какого-то прокаженного нищего. Выбор был сделан.

— Душно сегодня, — тихий спокойный голос, раздавшийся сзади, заставил мальчика содрогнуться.

Это был священник. Еще не старый. В руках он держал кувшин с водой и две простые деревянные кружки.

— Перед грозой всегда так. Дышать нечем, — капельки пота струились по лицу священника. — Присядем?

Не дожидаясь ответа, он сел на ближайшую лавку, чуть поправив длинную серую шерстяную рясу, запыхавшуюся у подола.

— Я не знал, что здесь кто-то еще есть... — замаялся Сергей, продолжая стоять как столб.

— В храме всегда кто-то бывает, — пожал плечами священник, протягивая мальчику кружку с водой.

Сергей взял ее и присел рядом.

— Ты — ученик мага. Правильно? — голос священника был удивительно спокоен и мягок.

— Да... — потупился парень. — Откуда вы узнали?

— Меня зовут отец Лука, — он мягко посмотрел в глаза мальчика. — А вести по городу расползаются быстро. Хотя твой учитель и не жалуется нас, Боги видят все...

— Откуда вы...

— Он не любит тех, кто говорит о смирении, — на губах священника мелькнула усталая улыбка.

Сергей обвел глазами стены огромного храма. Сквозь небольшие окошки под самым сводом сюда слабо пробивался приглушенный тучами солнечный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.